

ЛЮ ЧЖЭНЬЮНЬ

**я НЕ
ПАНЬ
ЦЗИНЬЛЯНЬ**

Лю ЧЖЭНЬЮНЬ
Я не Пань Цзиньянь

«Гиперион»

2015

Чжэньюнь Л.

Я не Пань Цзиньянь / Л. Чжэньюнь — «Гиперион», 2015

ISBN 978-5-89332-250-7

Сатирический роман Лю Чжэньюня «Я не Пань Цзиньянь» (2012) является новейшим произведением одного из наиболее успешных китайских литераторов современности. Правдоискательство главной героини, на которую возвели напраслину, сравнив с легендарной распутницей Пань Цзиньянь, приводит к невероятной цепочке событий, абсурдных и вместе с тем совершенно реалистичных. За внешней простотой языка автора скрывается отточенность стиля, характеризующегося оригинальной и остроумной образностью. Для читателей старше 16 лет.

ISBN 978-5-89332-250-7

© Чжэньюнь Л., 2015

© Гиперион, 2015

Содержание

Первая часть	6
Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лю Чжэньюнь Я не Пань Цзиньянь

© Лю Чжэньюнь, 2015

© О. Родионова, перевод, 2015

© Издательский Дом «Гиперион», оформление, 2015

* * *

Верно в народе говорят: «Когда рассыпается рис, то сколько его ни собирай, все равно что-то да останется».

Первая часть

Предисловие

В тот год

1

Впервые Ли Сюэлянь встретила с Ван Гундао, когда тому едва исполнилось двадцать шесть лет. на тот момент Ван Гундао был худеньким, белолицым и светлокожим – ну просто мальчик-колокольчик с огромными глазами. а у обладателей огромных глаз, как правило, еще и густые брови, однако у Ван Гундао бровки выросли жиденькими, едва заметными. Увидев его, Ли Сюэлянь чуть не засмеялась, что было бы некстати, поскольку пришла она искать содействия. Тем более что увидеться с Ван Гундао оказалось непросто. Узнав от соседей, что Ван Гундао дома, Ли Сюэлянь постучалась. Она уже отбила себе руку, однако из-за двери не раздавалось ни единого шороха. за спиной у Ли Сюэлянь висело полмешка кунжута, спереди трепыхалась откормленная курица. и когда у стучавшей в дверь Ли Сюэлянь совсем онемела рука, а у ее курицы одеревенели пережатые крылья, птица пронзительно заверещала, благодаря чему дверь наконец-таки открыли. на плечах у Ван Гундао красовался судейский китель, при этом ниже пояса он был в одних трусах. Помимо того что Ли Сюэлянь увидела его неприкрытые телеса, она также заметила висящий на стене свадебный иероглиф «двойное счастье», и поскольку часы уже показывали половину одиннадцатого, она поняла, почему Ван Гундао ей не открывал. Но ведь она пришла ночью именно для того, чтобы застать его дома. к тому же она отмахала пятнадцать с лишним километров, ее усилия не должны пропасть даром.

Ван Гундао громко зевнул:

– Кого надо?

– Ван Гундао.

– А ты кто?

– Ма Далянь из деревни Мацзячжуан приходится тебе двоюродным дядькой, так?

Почесав затылок, Ван Гундао утвердительно кивнул. Ли Сюэлянь продолжила:

– То, что жена Ма Даляня родом из Цуйцзядянь, ты, наверное, знаешь?

Ван Гундао кивнул.

– А знаешь, что младшая сестра жены Ма Даляня вышла замуж за парня из Хуцзявань?

Ван Гундао снова почесал затылок и уже отрицательно покачал головой.

Ли Сюэлянь продолжила:

– Одна из двоюродных сестер моей тетки вышла замуж за двоюродного племянника из семьи мужа младшей сестры жены Ма Даляня. Так что выходит, мы с тобою родственники.

Ван Гундао нахмурил брови:

– А дело-то у тебя какое?

– Хочу развестись.

Надо было пристроить куда-нибудь полмешка кунжута и как-то утихомирить продолжавшую верещать курицу. Хотя дело было даже не в кунжуте. и не в курице. Куда важнее было побыстрее отделаться от Ли Сюэлянь, поэтому Ван Гундао пригласил ее в дом и усадил в гостиной, обставленной к его недавней свадьбе. в комнату, всунув голову, заглянула и тут же спряталась молодая женщина. Ван Гундао продолжил допрос:

– В чем причина развода? Семейный конфликт?

– Все серьезнее.

– Замешан кто-то третий?

– Все серьезнее.

– До убийства-то дело не дошло?

– Если ты не вмешаешься, то по возвращении я его точно прикончу.

Ван Гундао даже испугался и поспешно встал, чтобы налить Ли Сюэлянь чаю.

– Убивать нельзя. Иначе с убитым уже не разведешься.

Ван Гундао замер с чайничком в руках:

– Кстати, как тебя зовут?

– Ли Сюэлянь.

– А мужа?

– Цинь Юйхэ.

– Чем он занимается?

– Водитель грузовика на уездном заводе химических удобрений.

– Сколько лет прожили в браке?

– Восемь.

– Свидетельство о браке с собой?

– У меня с собой свидетельство о расторжении брака, – с этими словами Ли Сюэлянь расстегнула куртку и извлекла из внутреннего кармана документ.

Ван Гундао от неожиданности остолбенел:

– Раз ты уже разведена, что еще нужно?

– Тот развод был ненастоящим.

Ван Гундао взял свидетельство в руки. Бумага уже несколько пообтрепалась. Ван Гундао внимательно изучил свидетельство с двух сторон.

– Выглядит как настоящее, имена указаны точно, твое и Цинь Юйхэ.

– Само свидетельство не фальшивое, а вот развод был ненастоящим.

Ван Гундао потыкал пальцем в бумагу:

– Не имеет значения, какого рода был развод, с юридической точки зрения, если имеется такой документ, развод считается настоящим.

– В этом и состоит вся проблема.

Ван Гундао, почесывая голову, призадумался:

– И что ты собираешься делать?

– Сначала буду судиться, чтобы доказать, что развод был ненастоящим, потом снова выйду замуж за этого выродка Цинь Юйхэ, а потом опять с ним разведусь.

Ван Гундао никак не мог взять в толк суть сказанного и снова почесал затылок:

– Раз все твои бестолковые ухищрения все равно приведут к разводу с этим Цинем, то зачем зря мучиться?

– Все так говорят, но у меня другое мнение.

2

Сначала Ли Сюэлянь и не думала идти таким окольным путем, ведь как ни крути, а развод на развод и выйдет. Ее первой мыслью было покончить со всем раз и навсегда, а именно – убить Цинь Юйхэ и делу край. Но в Цинь Юйхэ сто восемьдесят пять сантиметров роста, он здоровый мужик, и если дело все-таки дойдет до убийства, Ли Сюэлянь одна вряд ли справится. Когда она выходила за него замуж, его параметры выглядели привлекательно, говоря о недюжинной силе. Но зато теперь, когда она решила его убить, бывшие достоинства обернулись недостатками. Поэтому Ли Сюэлянь понадобился помощник. Первый, о ком она подумала, был ее родной

младший брат. Звали его Ли Инъюн. в Ли Инъюне тоже было сто восемьдесят пять сантиметров роста. Крепкий парень, целыми днями разъезжал на тракторе по городам и весям, принимая и продавая зерно, а заодно занимаясь хлопком и ядохимикатами. Когда Ли Сюэлянь наведлась в родной дом, все семейство Ли Инъюна собралось за обедом. Низко наклонившись над своими тарелками, Ли Инъюн, его жена и их двухгодовалый малыш взахлеб трудились над ароматной лапшой. Ли Сюэлянь, придерживаясь за косяк, обратилась к брату:

– Инъюн, выйди-ка на минуту, у старшей сестры к тебе дело есть.

Оторвавшись от тарелки, Инъюн поднял голову.

– Так и говори здесь.

Ли Сюэлянь замотала головой:

– Это только тебя касается.

Покосившись на жену и ребенка, Ли Инъюн отставил лапшу, поднялся из-за стола и вместе с сестрой побрел на окольный холм. Уже пришла весна, на речке под холмом вовсю шла суга. Ли Сюэлянь обратилась к брату:

– Инъюн, как к тебе относится твоя старшая сестра?

Ли Инъюн почесал в затылке:

– Да неплохо. Когда женился, дала мне двадцать тысяч.

– Тогда старшая сестра просит тебя об одолжении.

– Говори.

– Помоги мне убить Цинь Юйхэ.

Ли Инъюн так и обомлел. Он конечно знал, что у Ли Сюэлянь и Цинь Юйхэ полный разлад на почве развода, но чтобы дело дошло до убийства – это было для него сюрпризом. Продолжая почесывать в затылке, он ответил:

– Если бы ты попросила меня кабана зарезать, я бы помог, не раздумывая, но людей я никогда не убивал.

– Как будто все остальные только и делают, что людей убивают. Будь это так, я бы тогда и не приставала к тебе.

– Убить просто, а вот потом-то самому придется под пулю встать.

– Я не заставляю тебя убивать самому, ты только помоги подержать, а я уж его сама прикончу, и под пулю сама встану, ты чист останешься.

Ли Инъюн продолжал колебаться:

– Как соучастник я тоже за решетку сяду.

Ли Сюэлянь вспыхнула:

– Кто я тебе, в конце концов, сестра или нет? Надо мной измываются, а ты и бровью не ведешь? Если тебе на меня наплевать, я вместо этого пойду и сама повешусь.

Это пуще прежнего напугало Ли Инъюна, и он спохватился:

– Помогу я тебе, только не вешайся. Когда приступать-то?

– Тут уже медлить нельзя. Завтра.

Припертый к стенке, Ли Инъюн кивнул:

– Ну, завтра так завтра. Раз решение принято, лучше с этим раньше покончить.

Однако, когда на следующий день Ли Сюэлянь пришла за Ли Инъюном, его жена сказала, что ночью тот отправился на тракторе в провинцию Шаньдун за хлопком. «Ведь договорились с ним, что пойдем убивать, какой еще хлопок? Почему-то раньше он в другую провинцию за хлопком не отправлялся, с чего это вдруг сейчас понадобилось? Ясное дело – слинял». Ли Сюэлянь вздохнула. Ей стало понятно, что в Ли Инъюне, вопреки его имени¹, нет ни капли

¹ Дословно имя Инъюн означает «доблестный, отважный».

отваги. а еще ей стало понятно, что выражение: «На тигра иди с родным братом, а на бой зови отца с сыном!»² – не более, чем пустые слова.

Размышляя о помощнике для убийства, Ли Сюэлянь вспомнила о забойщике Лао Ху из их села Гуайваньчжэнь. Красномордый детина Лао Ху каждый день спозаранку забивал свиней и, едва светало, вез свеженину на рынок. Его лавка просто ломилась от мяса: оно и лежало, и висело повсюду. Даже в корзине под прилавком лежали свиные головы и требуха. Ли Сюэлянь ходила за мясом к Лао Ху. Тот метким ударом отрезал для нее от свиной туши нужный кусок или вытягивал из-под прилавка свиные кишки и бросал к ней в корзину. Но делал он все это с определенным расчетом, одаривая Ли Сюэлянь похотливым взглядом и обращаясь к ней не иначе как «Сокровище». Иной раз он выходил из-за прилавка и начинал в открытую заигрывать с Ли Сюэлянь, которая в ответ на приставания награждала его бранью. Итак, оказавшись на рынке перед лавкой Лао Ху, Ли Сюэлянь завела разговор:

– Лао Ху, отойдем в сторонку, у меня к тебе одно дело.

Недоверчиво посмотрев на нее, Лао Ху на секунду задумался, потом отложил тесак и прошел на пустырь за рынком. Там стояла заброшенная мельница, в нее они и зашли.

Ли Сюэлянь начала издали:

– Как тебе кажется, Лао Ху, что у нас с тобой за отношения?

Глаза Лао Ху заблестели:

– Да все здорово, Сокровище, когда я тебе не угождал?

– Тогда я попрошу тебя об одолжении.

– О каком?

Усвоив урок после общения с младшим братом Ли Иньюном, Ли Сюэлянь вместо разговора об убийстве повела речь с Лао Ху по-другому:

– Я позову Цинь Юйхэ, а ты сможешь мне его придержать, пока я его как следует не отделаю.

Лао Ху знал о неладах между Ли Сюэлянь и Цинь Юйхэ. Для него такая просьба труда не составляла, и он с готовностью ответил:

– Слышал я про вас, Цинь Юйхэ – гад еще тот, – и тут же добавил: – Да я не то что подержать его могу, я и сам морду готов ему набить. Единственное, что меня волнует, это что я получу взамен?

– Поможешь мне его отделать, я с тобой пересплю.

Лао Ху просиял и, приблизившись вплотную к Ли Сюэлянь, стал лапать ее руками:

– Сокровище, да за такое я не то что отделать, убить помогу.

Ли Сюэлянь отпихнула его:

– Убивать не нужно.

Лао Ху снова придвинулся ближе:

– Ну хорошо, тогда просто устроим ему взбучку. Давай сначала сделаем свои дела, а потом пойдем управляться с Цинь Юйхэ.

Ли Сюэлянь снова резко оттолкнула Лао Ху:

– Сначала с ним расправимся, а потом сделаем свои дела.

Направившись к выходу, Ли Сюэлянь бросила:

– А нет, так нет.

Лао Ху поспешил догнать Ли Сюэлянь:

– Сокровище, не стоит переживать, будь по-твоему: сначала побьем, а потом свои дела сделаем. – и тут же предупредил: – Только не забирай свои слова обратно.

Ли Сюэлянь резко остановилась:

– Я от своих слов не отказываюсь.

² Данное выражение встречается в классическом романе у Чэньэня «Путешествие на Запад».

Лао Ху радостно хлопнул себя в грудь:

– Когда же требуется идти? Для меня – чем раньше, тем лучше.

– Завтра. а сегодня я найду Цинь Юйхэ и договорюсь с ним о встрече.

В тот же день после обеда Ли Сюэлянь отправилась в уездный центр, а точнее в его западную часть, где находился завод химических удобрений, чтобы назначить Цинь Юйхэ встречу. Она прибыла туда с двухмесячной малышкой на руках. Под предлогом, что завтра нужно явиться в сельсовет и обсудить вопрос об алиментах, она решила заманить его в село. Над заводом возвышалось около десяти труб, которые, пыхтя, выбрасывали в воздух белые клубы дыма. Пройдясь по заводу, Ли Сюэлянь от рабочих узнала, что Цинь Юйхэ повез на фуре удобрения в провинцию Хэйлуцзян и будет отсутствовать не меньше десяти-пятнадцати дней. Было совершенно ясно, что Цинь Юйхэ, в точности как и младший брат Ли Сюэлянь, от нее ускользнул. Путь в Хэйлуцзян лежал через четыре-пять провинций. к тому же Цинь Юйхэ не стоял на месте, а постоянно удалялся от нее. Похоже, убить человека бывает легче, чем сначала найти его. Ну что ж, пусть поживет еще десять-пятнадцать дней. Ли Сюэлянь едва сдерживала свой гнев. и не только его. Выйдя за ворота завода, она почувствовала, что еще чуть-чуть и обмочится. Прямо на выходе стоял платный туалет, в котором за два мао³ можно было справить нужду. за уборной присматривала женщина средних лет с завивкой наподобие гнезда. Ли Сюэлянь сунула ей мелочь, а заодно свое дитя, и направилась опорожнить мочевой пузырь. Освободившееся пространство внутри тут же заполнила ее разбухающая злость. Выйдя из кабинки и заметив, что дочь на руках женщины заходится в плаче, Ли Сюэлянь дала девочке подзатыльник.

– Все из-за тебя, отродье, родилась на мою голову.

Собственно, весь конфликт между Ли Сюэлянь и Цинь Юйхэ случился из-за этого ребенка. Супруги восемь лет прожили вместе, на второй год после женитьбы у них родился сын, которому на настоящий момент исполнилось семь лет. а прошлой весной Ли Сюэлянь обнаружила, что снова беременна. Она и сама не поняла, как это случилось. Просчитавшись в днях, она пошла Цинь Юйхэ на уступку, позволив обойтись без презерватива. Тот наслаждался ощущениями, а она вот забеременела. Но закон запрещал иметь второго ребенка. Если бы Цинь Юйхэ был крестьянином, они бы отделались штрафом в несколько тысяч и смогли бы оставить ребенка. Но поскольку тот работал на заводе, кроме штрафа, его могли и уволить, тогда все его десять с лишним лет труда пошли бы прахом. Супруги отправились в клинику на аборт. Ли Сюэлянь, которая уже два месяца носила под сердцем дитя и при этом ничего не замечала, в операционной стянула штаны, забралась на кресло, раздвинула ноги и вдруг почувствовала в животе шевеление. Она тут же сомкнула ноги, прыгнула с кресла и оделась. Врач решил, что ей понадобилось отойти в туалет. Кто же думал, что, выйдя из операционной, она направится прямо к выходу? Нагнавший ее Цинь Юйхэ попытался ее остановить:

– Ты куда? Тебе же все обезболят, ты ничего не почувствуешь.

– Здесь много народу, вернемся домой, объясню.

Всю дорогу они молчали. Сев на рейсовый автобус до своего села, что располагалось в двадцати километрах, они вернулись домой. Ли Сюэлянь первым делом направилась в коровник, где два дня назад отелилась их корова. Маленький теленок, протиснувшись у матери между ног, пристроился к ее вымени. Сама корова уже проголодалась и, увидев Ли Сюэлянь, звучно замычала. Ли Сюэлянь тут же подбросила ей сена. Подоспевший в коровник Цинь Юйхэ спросил жену:

– Что ты все-таки задумала?

– Меня сегодня ребенок толкнул ножкой, я должна его родить.

– Это невозможно. Если родишь, меня тут же уволят.

³ Денежная единица, 1/10 часть юаня.

– Надо подумать, как можно и ребенка родить, и тебя оставить на работе.

– Да невозможно такое.

– А мы разведемся, – твердо отрезала Ли Сюэлянь.

Цинь Юйхэ так и обомлел:

– Что ты имеешь в виду?

– Точно так же в свое время поступил Чжао Паровоз. Если мы разведемся, всякие отношения между нами окажутся прерванными. Я рожу ребенка, и он станет принадлежать мне одной, тебя это касаться никак не будет. Сын останется с тобой, а новорожденный – со мной, каждому по одному ребенку, разве так мы нарушим закон о рождаемости?

Какое-то время Цинь Юйхэ молчал. Наконец, почесав в затылке, он изрек:

– Идея-то хорошая, но не можем же мы из-за ребенка взять и развестись?

– А мы сделаем, как Чжао Паровоз. Подождем, пока ребенка пропишут, и снова поженемся. Поскольку ребенок у нас родился в разводе, то при воссоединении у каждого окажется по одному законному ребенку. Ведь нигде не прописано, что нельзя жениться людям с детьми. Таким только после женитьбы нельзя детей заводить.

Цинь Юйхэ снова почесал в затылке, поразмыслил и невольно проникся уважением к Чжао Паровозу:

– А этот Чжао – ловкач еще тот, надо же до такого додуматься. Кем он, интересно, работает?

– Ветеринаром в городе.

– Ему бы не ветеринаром работать, а в Пекин ехать планом рождаемости управлять, он бы там все дыры подлатал, – сказал Цинь Юйхэ и, внимательно оценив Ли Сюэлянь, добавил: – а ты, оказывается, в себе не только дитя носить горазда, но и хитрые замыслы, недооценивал я тебя раньше.

И вот супруги отправились в город оформлять развод. После развода, дабы избежать всяческих подозрений, эти двое перестали общаться. Но когда через полгода у Ли Сюэлянь родился ребенок, вдруг обнаружилось, что Цинь Юйхэ уже женился на Сяо Ми из салона красоты в уездном центре. и не только женился: Сяо Ми тоже ждала от него ребенка. Ли Сюэлянь никак не ожидала, что их развод, изначально задуманный как фиктивный, станет настоящим. Выбрав дорожку, протоптанную Чжао Паровозом, Ли Сюэлянь не могла подумать, что, когда она пройдет такой же путь, ее будет ждать совершенно другой финал. Когда же Ли Сюэлянь отправилась на разборки с Цинь Юйхэ, чтобы напомнить ему о фиктивной сути развода, тот упорно твердил обратное. Теперь, имея на руках свидетельство о расторжении брака, Ли Сюэлянь потерпела полный крах. Только сейчас ей стало понятно, что это она недооценивала Цинь Юйхэ. Она не то чтобы не могла принять случившееся, она никак не могла проглотить эту пилюлю от Цинь Юйхэ. Но больше всего Ли Сюэлянь возмущало, что идея о разводе принадлежала ей самой. Когда тебя дурачат другие, не так обидно, обиднее, когда ты попадаешь в свою собственную ловушку. не в силах совладать с переполнявшим ее гневом, Ли Сюэлянь задумала убить Цинь Юйхэ. Но тот уехал в Хэйлунцзян, и поскольку час расплаты пришлось отодвинуть, Ли Сюэлянь обрушила свою злобу на двухмесячное дитя. Когда рыдающая девочка получила оплеуху, она вдруг замерла и резко прекратила рев. Увидев такое, вскочила со своего места работница туалета:

– Ты что творишь? Что я тебе сделала?

– В смысле? – не поняла остолбеневшая Ли Сюэлянь.

– Бить ребенка иди в другое место. Дитя еще крошечное, ему твоих ударов не вынести. а ну как помрет? Тебе-то ничего, а мне какво, если из-за этого в мой туалет перестанут люди ходить?

До Ли Сюэлянь дошло, в чем дело. Она взяла ребенка и, тяжело опустившись на приступочку, заголосила:

– Цинь Юйхэ, твою мать, всю жизнь мне испоганил!

Ребенок, набрав побольше воздуха, расплакался вслед за матерью. Услышав ругань в адрес Цинь Юйхэ, работница смекнула, что перед ней его бывшая жена. История про развод Цинь Юйхэ и Ли Сюэлянь уже успела облететь весь завод и даже долететь до туалета у ворот. Женщина решила встать на сторону Ли Сюэлянь:

– Этот Цинь Юйхэ и правда скотина еще та.

Почувствовав поддержку, Ли Сюэлянь невольно прониклась к женщине родственными чувствами и запричитала:

– Ведь когда мы разводились, то ясно договаривались, что это фикция, с чего вдруг развод оказался настоящим?

Но тут уже к неожиданности Ли Сюэлянь работница сказала:

– Да я не о вашем разводе говорю.

– А о чем? – удивилась Ли Сюэлянь.

– Да в этом Цинь Юйхэ нет ничего человеческого. Он тут в январе напился и зашел в мой туалет, а за это деньги платить надобно. Мне ведь платят отчисления от общей прибыли, и все мое семейство живет за счет этого заведения. Цинь Юйхэ как рабочему завода полагалось заплатить два мао, а он мне их не дал. Я стала его прогонять, а он как вдарил мне кулаком, так и зуб сломал.

Женщина раскрыла перед Ли Сюэлянь свой рот, у нее и в самом деле был сломан зуб. Раньше, когда Ли Сюэлянь жила вместе с Цинь Юйхэ, он казался ей вполне вменяемым. Она никак не ожидала, что после развода он мог так перемениться. Видимо, и правда недооценивала она его.

– Сегодня я его не застала, но когда он мне попадется – убью.

Эти ее слова отнюдь не испугали работницу туалета, она еще и добавила:

– На это столько усилий уйдет, а такой как он, и смерти не заслуживает.

– В смысле? – оторопела Ли Сюэлянь.

– А на кой он тебе мертвый сдался, покончишь с ним и что? Я вот что тебе скажу, таких ублюдков не убивать нужно, а гнобить. Он ведь на другой женился? Так надо ему такой ад наяву устроить, чтобы он ни умереть, ни жить не смог, вот тогда ты отведешь душу.

Эти слова отрезвили Ли Сюэлянь. Выходило, что для наказания человека имелся способ получше, чем убийство. в случае с убийством инцидент останется неисчерпанным. а вот если устроить ад наяву, то тогда все поставленное на голову можно вернуть в исходное положение. Но ее цель состояла не только в этом, она намеревалась восстановить справедливость. Итак, сначала, притащившись на завод с ребенком на руках, Ли Сюэлянь собиралась убить Цинь Юйхэ, теперь же она решила с ним судиться. Раньше такой вариант никому не приходил в голову, а вот уборщица туалета до этого додумалась. Эта женщина, которая хотела отомстить Цинь Юйхэ за сломанный зуб, только что, сама того не ведая, спасла ему жизнь.

3

Во второй раз Ли Сюэлянь увидела Ван Гундао в зале суда. Облаченный в судейский китель Ван Гундао только что закончил рассмотрение спора о собственности, суть которого состояла в следующем. Осиротевшие в детстве два брата – сыновья Лао Чао с улицы Дунцзе, повзрослев, вместе открыли маленький ресторанчик для любителей острой кухни. Каждый день их ресторанчик открывал двери еще до рассвета, а поскольку находился он на торговой улице, то вскоре бизнес начал процветать. Однако после женитьбы старшего брата в позапрошлом году в семье одним человеком стало больше, проблем тоже прибавилось, в конце концов, дело дошло до раздела имущества. Дележка домашней собственности у них прошла гладко и без проблем, а вот за ресторан началась настоящая борьба. не желая уступать друг

другу, братья обратились в суд. со старшим из братьев Ван Гундао вместе учился в начальной школе, так что они были знакомы. и теперь он пытался их помирить, предлагая старшему брату как будущему владельцу ресторана выплатить определенную сумму компенсации младшему. Если старшего из братьев вариант Ван Гундао вполне устраивал, то младший всячески пытался осложнить дело. с его слов, после женитьбы старший брат за последние два года ни разу не вставал по утрам к открытию ресторана. Все это время именно ему, младшему брату, приходилось подниматься ни свет ни заря, точно какому-то батраку. Так что прежде чем уладить спор, старшему брату необходимо компенсировать накопившийся за это время ущерб. Тогда стал возбуждать старший брат, напомнив, как в прошлом году из-за желудочного кровотечения младшего брата им пришлось за какое-то распарывание кишок выложить больше восьми тысяч. Кому надлежало приписывать этот долг? Чем дальше, тем больше претензий возникало у братьев. Соскочив со своих мест, они готовы были схватиться друг с другом прямо в зале суда. Понимая, что примирить их пока невозможно, Ван Гундао был вынужден перенести слушание на другой день. Кто бы мог подумать, что младший брат выступит против:

– Кишки мне распарывали не просто так, дележ ресторана и рядом не стоит с разбирательством по делу моей операции. Давайте-ка оставим ресторан в покое, а лучше разберемся с историей о моих кишках. и пока сегодня не докопаемся до сути, пусть никто даже не думает покидать эту комнату!

Буквально подпрыгивая, он сорвался с места:

– А почему мне, собственно, кишки распорол? не потому ли, что эти двое меня довели?

– История про операцию запутывает дело и не относится к данному разбирательству, – тут же отреагировал Ван Гундао.

Младший из братьев взбунтовался еще больше и бросился на Ван Гундао:

– Я ведь, Ван, знаю, что вы с братом вместе учились. Если ты только осмелишься пойти в обход закона, я за себя не ручаюсь.

Закатывая рукава, он добавил:

– Предупреждаю, что перед визитом сюда я опрокинул стаканчик.

– Что ты хочешь этим сказать? Бить меня собрался?

Младший из братьев побелел от гнева:

– Это мы посмотрим по ситуации.

Ван Гундао затрясся от злости:

– Вы двое деретесь за свое имущество, и я тут совершенно не при чем, еще и помирить вас пытаюсь. Чем я заслужил такое отношение?

Стукнув судебным молотком по столу, он добавил:

– Пройдохи, все, как один – пройдохи.

Он громко окликнул стражу, чтобы вывести братьев вон из зала. и в этот самый момент перед ним нарисовалась Ли Сюэлянь.

– Старший братец, послушай лучше мое дело.

Ван Гундао еще не отошел от стычки с братьями Чао, поэтому сразу не признал Ли Сюэлянь.

– Что за дело?

– О разводе. Дня два назад, вечером, я к тебе приходила, меня зовут Ли Сюэлянь. Ты просил подождать три дня, сегодня как раз третий день.

Только сейчас Ван Гундао припомнил стоявшую перед ним женщину, это заставило его, наконец, переключиться с братьев Чао на ее проблемы. Он снова занял свое место за столом и принялся размышлять над делом Ли Сюэлянь. Прошло немало времени, прежде чем он тяжело вздохнул:

–хлопотно.

– Для кого?

– Для всех. Я твое дело поверхностно прошупал, непростое оно. Ты говоришь, что уже развелась и хочешь теперь развестись снова. Но чтобы развестись снова, нужно сперва доказать, что прошлый развод был фиктивным, а потом снова пожениться, чтобы уже окончательно развестись. Это что, не хлопотно?

– Я не боюсь хлопот.

– К тому же твой бывший муж, как там его зовут?

– Цинь Юйхэ.

– Если бы он по-прежнему был один, то еще ладно, но ведь он успел жениться на другой. Когда ваш прошлый развод признают фиктивным, прежде чем ты снова сможешь выйти за него замуж, ему нужно будет развестись с его нынешней женой. Иначе выйдет проблема с двоеженством. а после повторного замужества ты снова планируешь развестись – это, по-твоему, нормально?

– Мне все эти проблемы как раз и требуются.

– Нужно еще принимать во внимание, что до сих пор суд с подобной практикой не сталкивался. Тут вроде как одно судебное дело, но реально их сразу несколько. Будут идти разбирательства по каждому из дел только для того, чтобы пройти круг от развода до повторного развода. Это нормально?

– Старший братец, у вас тут судебная контора, вам ли проблем бояться?

– Да я не о том.

– Ну, каков твой ответ?

– Допустим, что ваш прошлогодний развод с Цинь Юйхэ был фиктивным. Но именно этот факт создаст еще больше проблем.

– С какой стати?

– Если ваш развод – фикция, то опытный человек сразу смекнет, что вашей целью являлось рождение второго ребенка. а если это так, то вы будете подозреваться в нарушении закона о контроле рождаемости. Знаешь, в чем суть этого закона?

– Чтобы сократить рождаемость.

– Не все так просто. Это государственная политика. а если дело касается государственной политики, то проблем становится больше. Если мы докажем, что ваш развод был фиктивным, то прежде чем утрясать твои отношения с Цинь Юйхэ, сначала придется вести разговор о вашем ребенке. Подавая жалобу на других, ты на самом деле обвинишь себя, и не просто себя, а вашего ребенка.

Ли Сюэлянь оторопела и, помолчав, сказала:

– Если так судить, то можно и моего ребенка к смертной казни приговорить?

– Ну, этого, конечно, не случится.

– А меня к смертной казни могут приговорить?

– Тоже не могут. Здесь может идти речь об административных взысканиях, об уплате штрафа, об увольнении. не выйдет ли тут история про разбитое корыто?

– А мне того и надо. Лично мне не страшны ни штрафы, ни увольнение, да и уволить меня невозможно. Я раньше торговала в городе соевым соусом, ну запретят мне, на худой конец, эту торговлю. а вот этого выродка Цинь Юйхэ, у которого пока еще есть работа, его пусть уволят.

Ван Гундао почесал затылок:

– Ну раз ты настаиваешь, то делать нечего. Заявление принесла?

Ли Сюэлянь вытащила из-за пазухи заявление и передала его Ван Гундао. Свою жалобу она попросила написать Лао Цяня, чья юридическая контора располагалась в уездном центре на улице Бэйцзе. Это обошлось ей в триста юаней. Все заявление состояло из трех листов, каждый по сто юаней. Ли Сюэлянь это показалось подозрительно дорого, но Лао Цянь тогда выкатил глаза и сказал:

– Дело очень сложное, – и добавил: – Одно заявление затрагивает сразу несколько дел, а я за описание всего этого взимаю как за одно, так что это недорого. Если же мы начнем углубляться в детали, то я еще и в убытке останусь.

Принимая заявление, Ван Гундао спросил:

– Судебные расходы готова оплатить?

– Сколько?

– Двести.

– Меньше, чем просил Лао Цянь, за улаживание стольких проблем всего двести юаней, недорого.

Ван Гундао взглянул на Ли Сюэлянь и засобирился к выходу:

– Сначала оплатишь через банк судебные расходы, а потом жди, когда придет повестка.

Ли Сюэлянь, догоняя его, поинтересовалась:

– А как долго ждать?

Ван Гундао задумался:

– После запуска дела в судопроизводство, прежде чем там начнутся какие-то подвижки, пройдет минимум десять дней.

– Ну что ж, братец, тогда жди меня через десять дней.

4

За эти десять дней Ли Сюэлянь сделала семь дел.

Первое – она помылась. После родов единственное, что ее заботило – это как убить Цинь Юйхэ. не мывшись два месяца, Ли Сюэлянь уже сама чувствовала, что запах от нее еще тот. Но сейчас, когда ее план был запущен в действие, Ли Сюэлянь отправилась в сельскую баню. Целых два часа она отмокала в горячей воде, пока вся не пропотела, тогда она легла на лавку и позвала банщицу. Поход в местную баню, чтобы просто помыться, стоил пять юаней, отдельно пять юаней стоили услуги банщицы. Раньше Ли Сюэлянь всегда мылась сама, но на этот раз она предпочла заплатить пять юаней за дополнительное удовольствие. Банщица – коренастая уроженка провинции Сычуань, низкорослая, но с большими руками, приступив к растиранию, даже испугалась:

– Давно я не видела, чтобы грязь кусками отваливалась.

– Растирай как следует, тетушка, у меня впереди большое событие.

– Какое? Свадьба, что ли?

– Точно, свадьба.

Оценив живот Ли Сюэлянь, банщица заметила:

– Судя по возрасту, второй раз замуж выходишь?

– Точно, второй, – кивнула Ли Сюэлянь.

Ли Сюэлянь полагала, что, говоря так, она ничуть не обманывает. Ведь она затеяла тяжбу с Цинь Юйхэ ради того, чтобы сначала выйти за него замуж, а потом снова развестись. Выйдя из бани, Ли Сюэлянь показалось, что она сбросила сразу несколько килограммов, от чего походка ее стала легкой и летящей. По дороге ей встретился мясник Лао Ху. Заметив Ли Сюэлянь, он устремился к ней словно муха на мед. Поспешно завершив разделявать мясо, он отложил кусок и как был, с ножом, побежал за ней:

– Сокровище, не уходи, ты несколько дней назад собиралась побить Цинь Юйхэ, почему от тебя до сих пор ни слуху ни духу?

– Не беспокойся, я его еще не поймала, он уехал в Хэйлунцзян.

Лао Ху в упор уставился на Ли Сюэлянь. Только что вымытая Ли Сюэлянь разрозовелась, с густой копны собранных на затылке волос еще капала вода, грудь после рождения ребенка

тяжело набрякла. Ли Сюэлянь вся благоухала, распространяя приятный запах женского естества и молока. Лао Ху устремился прямо к ней:

– Дорогая, а может, мы сначала свои дела сделаем, а потом уже побьем Цинь Юйхэ?

– Нет уж, как договаривались: сначала побьем, а потом все остальное.

На самом деле необходимость кого-то бить уже отпала. Несколько дней назад у нее была мысль не то что побить, а убить Цинь Юйхэ. Теперь Ли Сюэлянь не собиралась делать ни того, ни другого, теперь она собиралась его измучить. Но докладывать о своих реальных намерениях Лао Ху она не решалась, побаиваясь его реакции. Однако Лао Ху все талдычил свое:

– У меня уже руки чешутся побить его. Давай сначала сделаем свои дела, а потом я сам поеду за ним в Хэйлунцзян и уделаю до смерти.

Ли Сюэлянь устала на его окровавленный нож:

– Убивать нельзя. Этим только сам себе навредишь. Если убьешь, то и сам пойдешь под расстрел. – И, дотрагиваясь до него, она добавила: – Лао Ху, не будем торопиться. Будешь горячее хватать, не насытишься.

Лао Ху нетерпеливо схватился за сердце:

– Тебе-то легко говорить. Сколько уже тянуть можно? Я не выдержу. Посмотри, – он показал на свое лицо, – я уже ночами спать не могу, все глаза красные. Еще чуть-чуть, и я если не Цинь Юйхэ, то кого-нибудь другого прикончу.

Ли Сюэлянь, успокаивая его, похлопала по крепкому плечу:

– Не будем спешить, всему свое время, час возмездия обязательно наступит.

Второе – Ли Сюэлянь изменила прическу. Отделавшись от Лао Ху, Ли Сюэлянь направилась в парикмахерскую. Раньше она волосы просто собирала в хвост, а теперь решила сделать короткую стрижку. Ведь если она собралась изводить Цинь Юйхэ, то без стычек не обойдется. Ли Сюэлянь понимала, что доведись разгореться скандалу, они могли и подраться. Раньше такое уже бывало. Длинные волосы, которые легко было схватить, делали ее уязвимой, с короткими волосами ускользнуть от рук Цинь Юйхэ будет проще. Так она извернется и пнет его как следует между ног. Сделав стрижку, Ли Сюэлянь не узнала себя. Вот и хорошо. Ведь она уже не та Ли Сюэлянь, что прежде.

Третье – выйдя из парикмахерской, Ли Сюэлянь пошла в магазин, где потратила девяносто пять юаней на новую одежду. Ван Гундао верно подметил, что ее дело непростое, оно выглядело как одно, но фактически состояло из нескольких. Неизвестно, сколько по времени будет тянуться вся эта тяжба. Ей придется часто видаться с Цинь Юйхэ, так что плохо выглядеть она не могла. Ведь если она будет в плохой форме, то на кой она вообще кому-то сдалась, да и доказать фиктивность прошлогоднего развода будет сложно.

Четвертое – она потратила сорок пять юаней на приобретение спортивной обуви. Купила высокие кроссовки на шнуровке, которые плотно обхватывали ноги. Как следует рассмотрев новую обувь, Ли Сюэлянь осталась довольна. Ведь изводя других, ей придется изводить и себя. Когда она начнет издеваться над Цинь Юйхэ, ей не избежать долгих походов.

Пятое – она продала свиней. Ли Сюэлянь держала одну свиноматку и двух поросят, теперь она избавилась от этого хозяйства. с одной стороны, ей требовались деньги на судебные издержки, а с другой, из-за ее мытарств за свиньями просто некому будет присматривать. Тут не понять, как с людьми-то разобраться, что уж говорить о свиньях. Дабы не усложнять себе жизнь, Ли Сюэлянь не стала продавать их местному мяснику Лао Ху. Она доставила их в соседнюю деревню и продала мяснику Лао Дэну.

Шестое – определила под присмотр своего ребенка. Сев на сельский автобус, Ли Сюэлянь проделала путь в двадцать пять километров, чтобы отдать свою двухмесячную дочь школьной подруге Мэн Ланьчжи. Сначала у нее была мысль отдать ребенка в семью младшего брата Ли Иньюна, однако вспомнив, как он на ее просьбу о помощи убить Цинь Юйхэ сбежал в Шаньдун, она усомнилась в его благонадежности. Если Ли Иньюн мог в делах положиться на свою

старшую сестру, то старшая сестра не могла положиться на Ли Иньюна. Всё, больше они друг другу не помощники. в школьные годы Ли Сюэлянь и Мэн Лянчжи, нельзя было назвать близкими подругами. Более того, они враждовали, поскольку влюбились в одного и того же одноклассника. Сам он не питал симпатий ни к Мэн Лянчжи ни к Ли Сюэлянь, выбрав себе другую девушку, которая была на два года старше их. Поплакавшись друг другу, Ли Сюэлянь и Мэн Лянчжи стали подругами не разлей вода. Ли Сюэлянь принесла свое дитя к Мэн Лянчжи, которая тоже только что родила и кормила грудью, что было весьма удобно. при встрече женщины не стали обсуждать сложившуюся ситуацию, поскольку все знакомые Ли Сюэлянь давно уже знали о ее проблемах. Ли Сюэлянь лишь сказала:

– Я оставлю ребенка у тебя, так будет спокойнее. а у меня на ближайшие два месяца намечается работенка, которую никто другой не сделает. Замучаю его до смерти. Мэн Лянчжи, ты могла бы, как я, пойти на такое?

Мэн Лянчжи покачала головой.

– То есть ты, как другие, думаешь, что я поступаю неразумно?

Подруга снова покачала головой.

– Ну, тогда, почему нет?

– В этом вся разница между нами. Я любое могу стерпеть, а ты – нет.

Тут она задрала свой рукав:

– Гляди, что Лао Цзан со мной сделал.

Лао Цзан был ее мужем.

– Одни привыкли все в своей жизни сносить, а другие – нет. и хотя лично я всего боюсь, однако восхищаюсь теми, кто ничего не боится. Вот ты, Ли Сюэлянь, намного сильнее меня.

Обняв подругу, Ли Сюэлянь заплакала:

– Мэн Лянчжи, да ради таких твоих слов я и помереть готова.

Седьмое – помолилась Будде. Сначала она не думала этого делать. Отдав свою дочь Мэн Лянчжи, Ли Сюэлянь села на автобус и отправилась обратно. По дороге они проезжали мимо горы Цзетайшань, где стоял буддийский храм. Сначала до ее слуха донеслись летящие через динамик молитвы, а потом она увидела и многочисленных паломников всех возрастов, которые поднимались к храму для возжигания благовоний. Ли Сюэлянь, недавно полагавшая, что совершила все необходимые приготовления, вдруг подумала, что кое-что упустила. Поглощенная улаживанием людских дел, она совершенно забыла, что в мире существуют еще и духи. Спohватившись, она попросила водителя остановиться, прыгнула с автобуса и взобралась на гору. в храме и вокруг него толпился народ. Вход на территорию храма был платный, так что Ли Сюэлянь потратила десять юаней на билет и еще пять юаней – на благовония. Войдя в храм, она зажгла курительные палочки и, приставив их к макушке, упала на колени, застыв с другими верующими перед статуей Будды. Каждый молился за чье-то благоденствие, и лишь одна Ли Сюэлянь просила о наведении на человека порчи. Прикрыв глаза, она бормотала:

– Всемиловитый Будда, сделай так, чтобы судебные разбирательства привели семью этого выроodka Цинь Юйхэ к полному разорению и гибели, – подумав, она добавила: – Разорения и гибели будет недостаточно, пусть этот выродок умрет не своей смертью.

5

Настроившись на два месяца судебной тяжбы, Ли Сюэлянь пока что потратила лишь двадцать минут в ожидании открытия заседания. Ее дело вел Ван Гундао, перед ним стояла табличка с надписью «председатель», место слева занимал второй судья, а справа – секретарь. Цинь Юйхэ, с которым надлежало судиться, на заседание не явился, прислав вместо себя адвоката Лао Суня. Контора этого Лао Суня находилась рядом с адвокатской конторой Лао Цяня, который писал для Ли Сюэлянь жалобу в суд. Сначала заслушали обстоятельства дела, потом

стали предъявлять свидетельства, зачитывать основания и допрашивать свидетелей. в качестве свидетельств были представлены документы о расторжении брака в двух экземплярах. Суд определил их как подлинные. Когда стали оглашать основания, то в жалобе Ли Сюэлянь прошлогодний развод значился как фиктивный, а со слов адвоката Лао Суня, представлявшего интересы Цинь Юйхэ, этот развод значился как настоящий. Потом перешли к допросу свидетелей, в качестве такового пришел помощник из управы села Гуайваньчжэнь, Лао Гу, который в прошлом году оформлял развод между Ли Сюэлянь и Цинь Юйхэ. Все это время он, прислонившись к косяку и наострив уши, стоял в дверях и слушал ход дела. Сейчас же он выступил на шаг вперед и подтвердил, что прошлогодний развод был настоящим. Он также добавил, что уже более тридцати лет занимается разводами и регистрацией браков, и никаких ошибок в работе не допускал. Ли Сюэлянь тут же вспыхнула:

– Лао Гу, как в таком почтенном возрасте можно не понимать, что это был фиктивный развод?

– Если это так, то зачем вы оба меня обманывали? – тотчас парировал Лао Гу и, ударив ладонью об ладонь, добавил: – Да ладно бы только меня, вы ведь и власть обманули. Ты говоришь о фиктивном разводе, а вот он (Лао Гу указал на адвоката Лао Суня) только что со слов Цинь Юйхэ сказал, что развод был настоящим.

– Цинь Юйхэ – убудок, как можно верить его словам?

– Если не верить ему, то остается верить тебе. в прошлом году, когда вы пришли разводиться, Цинь Юйхэ вообще молчал, зато ты говорила много. на мой вопрос о причине вашего развода, ты неустанно твердила, что потеряли чувства. то есть, выходит, тогда «потеряли», а сейчас «не потеряли»? Вы за год ни разу не встречались, как же в таком случае ваши отношения наладились? Да и сегодня Цинь Юйхэ не явился на заседание, это разве ничего не объясняет?

Ли Сюэлянь потеряла дар речи, а Лао Гу продолжал распалтася:

– Я уже больше, чем полвека прожил, и никто еще меня так не дурачил! Да если сейчас на попятный пойти, то как мне дальше работать в Гуайваньчжэне?

Создавалось такое ощущение, что Ли Сюэлянь судится не с Цинь Юйхэ, а с Лао Гу. и устные, и письменные показания говорили сами за себя. Ван Гундао стукнул об стол молотком – это дело Ли Сюэлянь проиграла. Все поднялись со своих мест и направились к выходу, Ли Сюэлянь остановила Ван Гундао:

– Уважаемый, как можно так вести суд?

– Такова процедура, суд так и ведется.

– Цинь Юйхэ на заседание не явился, и дело так просто можно закрыть?

– По закону его интересы в суде может представлять адвокат.

Ли Сюэлянь была ошарашена:

– Я все-таки не понимаю, как можно абсолютную ложь выдавать за правду?

Ван Гундао вернул ей прошлогоднее свидетельство о разводе:

– С точки зрения закона, развод настоящий. Я же тебе сразу все объяснил, а ты не послушала. – и чуть тише он добавил: – Я тут не стал ничего про ребенка говорить, так что ты еще легко отделалась.

– Хочешь сказать, что хоть дело и проиграно, ты обо мне позаботился?

На секунду оторопев, Ван Гундао поспешно ответил:

– Ну разумеется.

6

Впервые Ли Сюэлянь увидела Дун Сяньфа у ворот уездного суда. Дун Сяньфа был постоянным членом судебной коллегии. в этом году ему исполнялось пятьдесят два года. Низенький,

толстенький, с выпяченным животом, Дун Сяньфа уже двадцать лет состоял на службе в суде. Двадцать лет назад, вернувшись из армии в свой уезд, он стал подыскивать работу. на тот момент работники требовались в трех структурах: в управлении животноводства, в управлении здравоохранения и в суде. Полистав материалы Дун Сяньфа, глава орготдела при уездном комитете партии изрек:

– Ничего особенного в его личном деле я не нахожу, но вот работать с его именем в животноводстве или в здравоохранении нельзя. Такому надобно идти в суд, ведь раз он Дун Сяньфа⁴, значит, должен разбираться в законах.

Так Дун Сяньфа и попал в суд, а поскольку в армии он служил командиром батальона, то в суде ему дали должность начальника отдела. Через десять лет его повысили до члена судебной коллегии. Но все работники судебной системы понимают, что на самом деле значит такое продвижение. Должность члена коллегии это не что иное, как служебный пост, лишенный всяких полномочий. Звучит это вроде как очень громко, но не идет ни в какое сравнение с должностью заместителя председателя суда, у которого имеется право вести судебные дела, выносить по ним решения, пользоваться служебным транспортом, подписывать счета. то есть власти у него было даже меньше, чем у начальника отдела. Другими словами, Дун Сяньфа сместили вниз, подняв рангом выше. на этой должности Дун Сяньфа тоже проработал десять лет, и совсем скоро у него близился выход на пенсию. Двадцать лет назад и председатель суда, и его заместитель были старше Дун Сяньфа, а нынешние работники на этих должностях по возрасту ему уже уступали, так что теперь Дун Сяньфа, с точки зрения возраста, перезрел. Именно по этой причине за двадцать лет службы он добрался лишь до члена коллегии и дальше по карьерной лестнице не поднимался. Ведь его перевод с должности начальника отдела на должность члена судебной коллегии расценивался как понижение, что вызывало презрение у коллег, но еще больше у самого Дун Сяньфа. Но если коллеги всегда относились к нему презрительно, то Дун Сяньфа испытывал к себе такое чувство в ключевые моменты жизни. Несколько раз ему предоставлялась возможность стать заместителем председателя суда, но он всегда упускал этот шанс. Вообще-то член коллегии ближе к посту заместителя председателя суда, чем начальники отделов, однако несколько из них уже переплюнули его, став заместителями, в то время как Дун Сяньфа оставался на прежнем посту. Ключевые моменты жизни будут поважнее, чем рутина. Ведь все, что мы по капле копим, должно выливаться во что-то важное, не так ли? Но важнее было отношение к нему коллег, считавших, что за двадцать лет он не добился повышения из-за своей никчемности, хотя сам Дун Сяньфа полагал, что во всем виновата его прямота. Именно из-за неумения лебезить, делать подношения, нарушать законы ради взяток его звездный час так и не настал. Два чувства испытывал Дун Сяньфа по этому поводу: пессимизм и отчаяние. Отчаяние Дун Сяньфа, рожденное его же справедливостью, заставляло его идти по пути наименьшего сопротивления. Но важнее всего важного было то, что Дун Сяньфа никогда не любил свою работу в суде. и не любил он ее вовсе не потому, что не считал важной, а потому, что с малых лет ему нравилось что-то созидать, а не разрушать. а в суде он целыми днями занимался тем, что имел дело с какими-то неурядицами. Ведь кто придет в суд с чем-то хорошим? Это напоминает работу врачей, которым ежедневно приходится сталкиваться не с нормальными, а с больными людьми. Только если в больницах предметом рассмотрения становятся болезни, то в суде – сложные жизненные ситуации. а без болезней и тяжб больницам и судам пришлось бы просто закрыться. Дун Сяньфа понимал, что выбрал в жизни не тот путь, и это было самым главным. Ему казалось, что куда лучше работать торговым посредником на скотоводческом рынке, сводя продавцов и покупателей. Но, находясь на посту члена судебной коллегии, он не мог все бросить и пойти работать на рынок. Да случись такое, все вокруг решат, что Дун Сяньфа окончательно помешался, даже если для него самого

⁴ Фамилия Дун совпадает со словом «понимать», а имя Сяньфа дословно означает «конституция».

это будет самым разумным поступком. Поэтому ежедневно он вынужденно выполнял работу члена судебной коллегии, влача свое безрадостное существование. Окружающим казалось, что такое состояние Дун Сяньфа объясняется отсутствием подъема по служебной лестнице и той должностью, которую ему удалось занять за двадцать лет работы в суде. Даже во время застолий за него поднимали тосты как за обиженного. Действительно, такая причина хандры Дун Сяньфа имела место, но все-таки важнее было его ярое нежелание быть членом судебной коллегии, вместо этого он бы с удовольствием предпочел работать посредником на рынке. Но еще печальнее было то, что о своем горе он не мог никому рассказать. Поэтому, кроме того, что Дун Сяньфа свою работу выполнял просто для галочки, он еще и ко всему миру и людям испытывал некоторое отвращение. Чувствуя из-за этого какую-то безысходность, Дун Сяньфа в свободное от работы время пристрастился к выпивке. Вообще-то говоря, его должность члена судебной коллегии также касалась изучения судебных тяжб. Другими словами, Дун Сяньфа был причастен ко всем судебным делам, из-за чего и жалобщики, и ответчики старались позвать его на рюмочку. Но с течением времени народ понял, что вся его власть ограничивается лишь изучением дел и причастностью к ним. у него не было права окончательного решения, что умаляло его достоинства в сравнении с тем же начальником отдела или судьей, поэтому желающие пригласить его выпить и потрепаться иссякли. не имея приглашений со стороны, Дун Сяньфа мог бы выпить со своими коллегами по работе. Однако из его коллег не находилось никого, кто бы хотел тратить время на общение с бездарем, который двадцать лет протоптался на месте и у которого впереди ничего, кроме пенсии, уже не маячило. Суд – это такое место, где каждый день кто-то кого-то приглашает выпить, однако Дун Сяньфа это не касалось. а при таких обстоятельствах и захиреть недолго. с течением времени Дун Сяньфа докатился до того, что стал сам цепляться к коллегам в поисках халявы. Едва часы показывали одиннадцать утра, Дун Сяньфа начинал расхаживать по крыльцу здания суда. и когда оттуда в компании жалобщиков либо ответчиков выходили его приглашенные на обед коллеги, то, наткнувшись на Дун Сяньфа, они из вежливости предлагали ему присоединиться. Сначала Дун Сяньфа вроде как начинал отказываться, прикрываясь делами. Потом, не давая опомниться, добавлял:

– Впрочем, утро вечера мудренее. Сколько бы уток в хозяйстве не водилось, после обеда их на реку не выпускают.

Таким образом, он заодно со своими коллегами ходил покушать и выпить. Однако со временем коллеги Дун Сяньфа, увидев его на крыльце, старались тут же предупредить разговор:

– Лао Дун, знаем, что ты занят, поэтому сегодня тебя не приглашаем.

Это выводило Дун Сяньфа из себя:

– А кто сказал, что я занят? в чем дело? не хотите моей компании? Вы не думайте, что я уже не у дел. Я вам ответственно заявляю, что, проработав в суде двадцать лет, я может и не смогу чем-то помочь, но подпортить вам жизнь для меня проще простого.

От таких его заявлений коллеги неловко оправдывались:

– Глянь-ка, как разволновался, уж и пошутить нельзя.

В результате, выпивать шли все вместе.

Прошло еще какое-то время, и уходящие на обед коллеги, побаиваясь напоротья у главного входа на Дун Сяньфа, стали покидать здание через черный ход. Ли Сюэлянь увидела Дун Сяньфа, когда тот как раз прогуливался на крыльце у здания суда. до того, как подать жалобу на Цинь Юйхэ, Ли Сюэлянь никогда раньше не судилась, и кто такой Дун Сяньфа она не знала. в прошлый раз, когда Ван Гундао признал ее дело проигранным, она не только не смирилась с его решением, но и вообще перестала ему доверять, решив обратиться в суд по новой. Но придя в суд повторно, она подавала жалобу уже не только на Цинь Юйхэ. Прежде чем разобраться с прошлогодним разводом, ей требовалось опровергнуть решение, вынесенное Ван Гундао. Ведь только так можно было снова приступить к рассмотрению тяжбы. Проблема остается простой, пока ты не обращаешься в суд, но если ты уже встал на путь разби-

рательства, то твое дело становится все более и более запутанным. Ли Сюэлянь же понимала только одно: чтобы заново обратиться в суд, сперва ей требовалось опровергнуть решение Ван Гундао, а вот как этого добиться, ей было невдомек. По ее разумению, это наверняка было по силам тому, кто имел влияние на Ван Гундао. а поскольку Ван Гундао работал в отделе гражданских дел, то Ли Сюэлянь напрямик направилась к начальнику этого отдела. Им оказался судья Цзя. Почтенный Цзя понял, что дело у нее непростое, но еще более непростой оказалась ситуация с жалобщицей: уже с первого взгляда было ясно, что эта женщина не имеет ни малейшего представления о судебном процессе, и что-то растолковать ей было намного сложнее, чем просто закрыть дело. Цзя испугался, что начни он с ней обсуждать все тонкости, то и сам в них увязнет. Ли Сюэлянь пришла к судье Цзя в шесть вечера, у него в этот день еще намечался банкет, он спешил, поэтому его вдруг осенила блестящая идея. Желая упростить себе жизнь, он решил спихнуть это дело члену судебной коллегии Дун Сяньфа. Он не то чтобы хотел досадить этим Дун Сяньфа, просто не решался озадачить этим других вышестоящих коллег, например, заместителей председателя суда, не говоря уже о председателе. к тому же ему всегда нравилось подшучивать над Дун Сяньфа, любая их встреча не обходилась без взаимных подколов. Вот и вчера вечером в ресторане судья Цзя за выпивкой повздорил с Дун Сяньфа, и теперь ему хотелось отыгаться. Судья Цзя деланно зацокал языком:

– Дело очень непростое.

– Оно было нормальным, пока вы его сами не запутали.

– По данному делу уже вынесено решение, и теперь здесь замешан суд. Если ты хочешь опротестовать решение, моих полномочий не хватит.

– А чьих полномочий хватит?

Судья Цзя вроде как задумался:

– Посоветую я тебе одного человека, только ты не говори, что это я порекомендовал его.

– Это же судебное разбирательство, а не кража какая, чего тут таить? – недоуменно спросила Ли Сюэлянь.

– На нем уже столько запутанных дел висит, что если ему еще одно добавить, он не обрадуется.

– Кто он?

– Член судебной коллегии Дун Сяньфа.

– А что это за должность такая, «член коллегии»?

– Ну как, например, в больнице есть специалисты, которые занимаются исключительно редкими случаями болезней.

Лукавил ли судья Цзя? Да нет. Ведь если рассуждать теоретически, то Дун Сяньфа являлся членом судебной коллегии, которая тем и занималась, что рассматривала особо сложные дела. Да и сама должность члена коллегии по рангу выше, чем должность начальника отдела, другими словами, выше, чем у судьи Цзя. Но только судебные работники понимали, что должность члена судебной коллегии только звучит красиво, а на самом деле толку от нее куда меньше, чем от более низких должностей. Ли Сюэлянь доверилась судье Цзя и на следующий день, ровно в полдень, оказалась на крыльце уездного суда, где как раз в это время прогуливался член судебной коллегии Дун Сяньфа. а Дун Сяньфа прогуливался там уже больше часа. Ли Сюэлянь понятия не имела о реальных полномочиях Дун Сяньфа, кроме того, что он как член судебной коллегии занимается рассмотрением особо сложных дел. Дун Сяньфа тоже не знал, что из себя представляет Ли Сюэлянь. Поскольку оба были не знакомы друг с другом, Ли Сюэлянь прониклась к Дун Сяньфа большим почтением. Видя, что тот глаза не по сторонам, она не осмелилась сразу подойти к нему. Но через полчаса, когда его попытки высмотреть кого-либо так ни к чему и не привели, она наконец решилась выступить вперед:

– Вы ведь член судебной коллегии господин Дун?

Неожиданно потревоженный, Дун Сяньфа даже вздрогнул. Взглянув на часы, которые показывали час дня, он понял, что сегодня ему, похоже, уже не придется присоединиться к кому-нибудь на обед. Тогда он повернулся к Ли Сюэлянь и спросил:

– А ты кто?

– Мое имя Ли Сюэлянь.

Дун Сяньфа крепко задумался, но так и не припомнив никакой Ли Сюэлянь, зевнул:

– По какому вопросу?

– Вы тут мое дело засудили.

Дун Сяньфа озадачился, не в силах понять, о чем именно идет речь, и причастен ли он к этому вообще. на какой-то момент он растерялся. не в силах припомнить что-либо, он затруднялся как-то отреагировать, поэтому переспросил:

– В суде много разных дел, что именно у тебя было?

Ли Сюэлянь стала с самого начала пересказывать свой случай. Когда она дошла до середины, Дун Сяньфа уже начал проявлять нетерпение. Он понял, что с данным делом он точно не сталкивался, и все эти прошлые и будущие перипетии между Ли Сюэлянь и Цинь Юйхэ представлялись ему слишком уж сложными. Поэтому Дун Сяньфа теперь на сто процентов уверился, что данного дела не касался. Сложный случай вызывал у него одно желание – закончить разговор. Он бы предпочел послушать что-нибудь про рыночную сделку. не выдержав, Дун Сяньфа перебил Ли Сюэлянь:

– Никакого отношения к твоему делу я не имею.

– Ты не имеешь, а вот Ван Гундао имеет.

– Так и иди к Ван Гундао, я-то причем?

– У вас больше полномочий, а раз он засудил мое дело, то теперь я пришла к вам.

– В суде много кто занимает должности выше, чем у Ван Гундао, почему ты не пошла к другим?

– Мне тут сказали, что вы специально занимаетесь особо сложными делами.

Дун Сяньфа тут же смекнул, что кто-то из коллег втихаря роет для него яму, поэтому на него свалилось то, чем он вовсе не обязан заниматься. Кто-то спихнул ему сложное дело, которым сам заниматься не хотел.

– И что же это за сволочь? – огрызнулся Дун Сяньфа. – Если сами работники суда – люди бессовестные, то разве могут они судить по совести? Так что иди к тому, кто тебя надоумил обратиться ко мне. а после тебя и я до него доберусь, – добавил он.

Сказав это, он развернулся, собираясь уходить. Поскольку Дун Сяньфа уже проголодался, а его так никто и не покормил, он намеревался сам найти забегаловку, чтобы опрокинуть там рюмочку-другую, а также съесть лапши с тушеной бараниной. Но тут за него уцепилась Ли Сюэлянь.

– Господин Дун, вы не можете так уйти, вы должны заняться этим делом.

Дун Сяньфа не знал, плакать ему или смеяться:

– Что ты прилипла ко мне как банный лист? Что, в суде мало народу, с чего вдруг именно я должен заниматься твоим делом?

– Я для вас кое-что сделала.

– Что ты для меня сделала? – оторопел Дун Сяньфа.

– Утром я съездила к вам домой и доставила тюк хлопка и двух кур.

Дом Дун Сяньфа находился в деревеньке Дунцзячжуан, в двух с половиной километрах от города. Ее заявление еще больше обескуражило Дун Сяньфа:

– Так ты решила сделать меня подневольным за тюк хлопка и двух кур? Отправляйся за своим барахлом и забирай обратно.

Он попытался освободиться от Ли Сюэлянь, но та снова его схватила:

– А ваша жена пообещала мне, что вы возьметесь за мое дело.

– Да она только свиней кормить умеет, вот в этом она разбирается, но никак не в судопроизводстве.

– Но ведь не зря же я старалась?

– Не зря она старалась, да с твоей стороны это взятка, понимаешь? Я тебя к ответственности не привлекал, а ты ко мне почему-то прилипла.

Порываясь уйти, он снова почувствовал хватку Ли Сюэлянь. к этому моменту вокруг них уже собралась толпа зевак. Дун Сяньфа, который был уже на пределе, увидев народ, вдруг сконфузился:

– Вот шваль, пристала ко мне на улице и талдычит одно и то же, что за безобразие? а ну катись отсюда!

Он с силой освободился от Ли Сюэлянь и зашагал прочь.

Дождавшись вечера, Дун Сяньфа сел на велосипед и поехал домой в Дунцзячжуан. Еще не переступив порог, он учуял запах курятины. Оказывается, к ним в гости пожаловал тесть, и по этому случаю его жена натушила целый котел курятины. Успев на какое-то время позабыть про случай с Ли Сюэлянь, Дун Сяньфа вдруг все вспомнил. Когда он зашел на кухню и снял крышку с котла, то его глазам предстали уже тушеные курицы, предварительно расчлененные на восемь кусков. Дун Сяньфа недовольно напустился на жену:

– Любишь ты халяву по мелочам, когда, наконец, уже справишься? Ты понимаешь, что натворила? Это называется «нарушение закона ради получения взятки».

Однако к следующему утру Дун Сяньфа об этом инциденте уже позабыл.

7

Председателя суда Сюнь Чжэньи⁵ Ли Сюэлянь увидела перед входом в отель «Сунхэ». Сюнь Чжэньи изрядно выпил, поэтому вниз по ступеням его вели под руки. в этом году ему исполнилось тридцать восемь лет, на своем посту он находился уже три года. Среди других председателей уездных судов Сюнь Чжэньи был самым молодым. Поэтому, понимая, что впереди у него еще большие перспективы, он старался вести себя осмотрительно. Обычно Сюнь Чжэньи вообще не выпивал. Будучи при такой должности, он установил для себя пять ограничений: не выпивать в одиночку; не выпивать на работе; не выпивать с коллегами; не выпивать на территории своего уезда; не выпивать с понедельника по пятницу. Некоторые из запретов дублировали друг друга, но все их можно было свести к одному: не выпивать без повода.

Однако сегодня Сюнь Чжэньи напился до чертиков. и это несмотря на то, что сегодня он находился в пределах своего уезда, в кругу своих коллег и сегодня была среда. Так что сложившиеся обстоятельства вступали в противоречие со всеми его запретами. Но выпил он не без повода – сегодня они праздновали день рождения его предшественника на посту председателя суда Лао Цао. Три года назад Лао Цао вышел на пенсию, уступив место Сюнь Чжэньи. у Лао Цао сложились очень теплые отношения с Сюнь Чжэньи, которого он поддерживал и продвигал. и в день рождения своего шефа, который к тому же был уже на пенсии, Сюнь Чжэньи составил ему компанию, чтобы выпить. Шеф прилично напился, и Сюнь Чжэньи от него не отстал. Что касалось продвижения Сюнь Чжэньи со стороны Лао Цао, то тут у Сюнь Чжэньи остался горький осадок. Три года назад, когда пришел черед Лао Цао выходить на пенсию, под его началом работало сразу четверо заместителей. и в качестве своего преемника Лао Цао готовил не Сюнь Чжэньи, а Лао Гэ. Кроме того, что Лао Цао в своей жизни любил работу судьи, он также любил выпить. а кроме любви к выпивке, у него также была страсть к бриджу. Эта карточная игра была лучшим способом понаблюдать за поведением человека. и когда Лао Цао хорошо узнал Лао Гэ, то решил подготовить своим преемником именно его. Передав свое

⁵ Имя Чжэньи дословно означает «справедливость».

место Лао Гэ, он чувствовал себя спокойно. Но кто же мог предположить, что буквально в первый месяц после выхода Лао Цао на пенсию, Лао Гэ позовет на банкет своих одноклассников, они напьются, он пьяным сядет за руль и поедет по встречной полосе. Пьяный Лао Гэ несся навстречу другим автомобилям, которые шарахались от него, и еще чертыхался:

– Что, правил уже не существует? Прут прямо навстречу. Сразу видно – непорядок в законах, вот доберусь до вас завтра!

Пока он ругался, прямо на него выринула длиннючая, груженная углем фура. не успев затормозить, она врезалась с ним лоб в лоб, после чего машину Лао Гэ отбросило на другую полосу. Оказавшись на своей полосе, Лао Гэ умер прямо на месте аварии. Его гибель предоставила возможность карьерного роста для Сюнь Чжэньи. Таким образом, после ухода на пенсию Лао Цао его преемником стал не Лао Гэ, а Сюнь Чжэньи. Приняв эстафету от Лао Цао, Сюнь Чжэньи должен был благодарить не самого Лао Цао, а ту груженную углем фуру, и даже не фуру, а тот банкет, на котором напился Лао Гэ, а заодно и одноклассников Лао Гэ, которые его и напоили. Так считал Сюнь Чжэньи, а Лао Цао считал по-другому. Лао Цао полагал, что кому его пост достался, тот и есть подготовленный им преемник. Поэтому, получив пост председателя суда, Сюнь Чжэньи должен был благодарить именно его. Ну а раз так, то Сюнь Чжэньи решил действовать соответствующе и, приняв пост, при встрече сказал Лао Цао:

– У меня ведь не было никаких достоинств и способностей, и если бы не ваше воспитание, то как бы я занял это место?

Лао Цао принял слова Сюнь Чжэньи за чистую монету и пошел с ним на сближение. Но, будучи человеком тактичным, Лао Цао после выхода на пенсию уже не совал своего носа в судебные дела, а лишь обращался по каким-то жизненным ситуациям. Поэтому Сюнь Чжэньи оценил его как человека понимающего и, ради своего же спокойствия, был готов помочь по мелочам. за минувшие три года Сюнь Чжэньи преподносил Лао Цао исключительно как своего наставника. Каждый год Сюнь Чжэньи в честь дня рождения Лао Цао устраивал банкет. и всегда его первая фраза за столом звучала так:

– Весь год я был так занят, что не мог навестить своего наставника, но за празднование его дня рождения отвечаю лично.

И хотя это была всего лишь одна фраза и повторялась она из года в год, однако, будучи красноречивее молчания, она делала Лао Цао совершенно счастливым. Сегодняшний банкет по случаю его дня рождения проводился на втором этаже отеля «Сунхэ». Впервые Лао Цао на собственном празднике напился до чертиков. Ну а поскольку повод сегодня был важным, Сюнь Чжэньи последовал примеру своего наставника. и пока Сюнь Чжэньи еще мог связно говорить, то напомнил:

– Наставник знает, что обычно я не выпиваю, установив себе пять ограничений. Но каждый год в этот день я нарушаю свои правила ради того, чтобы доставить вам удовольствие.

Лао Цао снова зарделся от удовольствия. Но Лао Цао выпивал всегда, в то время как Сюнь Чжэньи практически не пил – где уж ему было тягаться с Лао Цао? Последний прожег в ресторанах всю свою жизнь, и у него уже сложились свои манеры и привычки распития алкоголя. Его привычка выпивать была привязана к сигаретам – «Как говорится, где выпивка, там и курево». Однако в его случае это не означало, что он одновременно пил и курил. Пачка сигарет служила мерилем для уровня алкоголя в стакане. Сначала пачку располагали плашмя, соответственно, и в рюмку наливали, равняясь на эту мерку, после чего залпом выпивали содержимое. Затем пачку ставили на бок, и в рюмку наливали, равняясь на новую высоту. Снова выпивали залпом. Наконец пачку ставили вертикально, и в рюмку наливали уже по максимуму, и снова все содержимое опрокидывали залпом. Разное положение сигаретной пачки задавало разную емкость: при лежачем положении пачки в стакан входило пятьдесят граммов, когда пачку ставили на бок – в стакане оказывалось сто граммов, наконец, когда ее ставили вертикально – сто пятьдесят граммов. Таким образом, задавая уровень по трем положениям

сигаретной пачки, выпивали около полулитра. Эти три прикладывания к стакану назывались хорошим стартом. и только после этого старта банкет считался официально открытым. Далее попойка проходила в русле застольных игр типа выкидывания пальцев, и тогда уже было сложно сказать, какое именно количество спиртного выпивалось в итоге. Но кое-что от Лао Цао скрывали, ведь он уже был на пенсии, а его пост занимал Сюнь Чжэньи. Вместе с ними на банкете присутствовали несколько его замов, начальник политотдела, главный инспектор, начальник канцелярии и кое-кто еще из руководящего состава. Раньше все они работали под началом Лао Цао, но теперь ситуация изменилась, и они работали под началом Сюнь Чжэньи. Во время «хорошего старта» Лао Цао выпивал по-настоящему и Сюнь Чжэньи тоже. Когда же подошла очередь застольных игр, то подчиненные пустили в ход свои трюки, суть которых заключалась в том, что Лао Цао они по-прежнему подливали водку, а Сюнь Чжэньи – минеральную воду. в результате после восьмого тоста опьянели и Лао Цао, и Сюнь Чжэньи. Однако если Лао Цао оказался пьяным вдрызг, то Сюнь Чжэньи – лишь наполовину. Но находясь рядом с Лао Цао, Сюнь Чжэньи вынужден был делать вид, что тоже пьян в стельку. По окончании банкета Лао Цао вместе с Сюнь Чжэньи под руки стали сводить со второго этажа. Именно в этот момент Ли Сюэлянь прицепилась к Сюнь Чжэньи:

– Судья Сюнь, вы должны мне помочь.

Председателю суда частенько преграждали путь жалобщики, но тут это случилось ночью после попойки, да к тому же так неожиданно, что Сюнь Чжэньи даже испугался. Но поскольку рядом находился Лао Цао, Сюнь Чжэньи нельзя было выходить из своей роли, тем более нельзя было показывать, что он испугался. Начальник канцелярии, что держал его под руку, тоже испугался и поспешил оттащить Ли Сюэлянь:

– А ну прочь свои руки от судьи, не видишь, в каком он состоянии? Если есть какое-то дело, поговорим завтра.

Отцепив Сюнь Чжэньи от Ли Сюэлянь, он повел его к машине. Но тут с лестницы подал голос Лао Цао:

– А что за дело?

Еле шевеля языком, он пытался разобраться в ситуации:

– У кого-то есть жалоба? Подходи ко мне, я в этом как-никак разбираюсь.

Если бы Лао Цао не напился, то он вряд ли бы стал вмешиваться в судебные дела, но поскольку он был пьян, то просто забыл, что вот уже три года как находится не при делах. Встреча с жалобщицей, прямо как в былые времена, привела его в необычайное возбуждение. Окружающие, видя такое дело, заволновались, оставили на время Сюнь Чжэньи и поспешили сперва усадить в машину Лао Цао. Пытаясь его уговорить, они приговаривали:

– Почтенный председатель, да эта просто какая-то деревенская баба, что там у нее может быть. Вам сейчас нужно о себе позаботиться, хорошенько отдохнуть, а все эти дела предоставьте председателю Сюню.

Лао Цао уже не держался на ногах, и его усадили в машину. Но он все никак не мог успокоиться и, опустив стекло, приказным тоном начальника крикнул Сюнь Чжэньи, который стоял у другой машины:

– Чжэньи, хорошенько разберись с ее проблемой. Я как-то уже говорил тебе, что если чиновник не уважает народ, то лучше ему сразу отправляться домой торговать бататом.

Сюнь Чжэньи, сделав пару нетвердых шагов к машине Лао Цао, поспешил ответить:

– Будьте спокойны, Наставник, я храню в сердце все ваши поучения. Я обязательно разберусь с этим делом и завтра же обо всем вам доложу.

Лао Цао продолжал что-то бормотать, но его машина уже тронулась с места. Теперь, из-за вмешательства Лао Цао, Сюнь Чжэньи было неудобно тут же сесть в машину и уехать. Но при этом он боялся не реакции Ли Сюэлянь, которая слышала их разговор с Лао Цао. Он боялся того, что если, протрезвев, Лао Цао припомнит этот разговор, то в случае лицемерия

Сюнь Чжэньи, который вроде как слушался своего начальника только тогда, когда тот был трезв, последствия окажутся самыми нехорошими. Из-за пустяка он мог потерять куда больше. Вряд ли чиновник на пенсии мог чем-то помочь, однако испортить что-то было вполне в его власти. Лао Цао много лет провел на своем высоком посту, и наверху, и внизу у него накопилось достаточно своих людей. Поэтому проблемы могли свалиться на голову Сюнь Чжэньи откуда угодно. и раз уж он все-таки был не совсем пьян, он предпочел пообщаться с Ли Сюэлянь. Но поскольку он все-таки был достаточно пьян, разговаривал он несколько грубовато:

- Ну что там у тебя?
- Хочу пожаловаться.
- На кого?
- На Дун Сяньфа.

Изначально Ли Сюэлянь подавала в суд на Цинь Юйхэ, потом к нему присоединился Ван Гундао. Ведь именно последний засудил ее дело. Теперь же она решила на какое-то время оставить в покое и Цинь Юйхэ и Ван Гундао, поставив цель сперва разобраться с Дун Сяньфа. Собственно говоря, к Дун Сяньфа она не испытывала какой-то вражды, да и виделась она с ним лишь один раз. Тогда на ее просьбу начать разбирательство по новой он ответил отказом. Если бы их разговор этим ограничился, то и ладно. Однако та их встреча на пороге суда постепенно переросла в настоящую стычку. и когда вокруг них собралась толпа зевак, Дун Сяньфа в запале обозвал ее «швалью», а потом еще добавил, чтобы она «катилась подальше». Именно эти две фразы и взбесили Ли Сюэлянь. Она как пострадавшая пришла пожаловаться, как же можно, работая в суде, обзывать ее «швалью», да еще и приказывать, чтобы она «катилась подальше»? Из-за него она решила обратиться к самому председателю суда, чтобы, прежде чем судиться с Цинь Юйхэ и Ван Гундао, разобраться с Дун Сяньфа. Сюнь Чжэньи, не в силах сразу уловить суть проблемы, спросил ее:

- А что тебе сделал Дун Сяньфа?

Дун Сяньфа, в общем-то, ничего ей не сделал. Ничего противозаконного в том, что он обозвал ее пару раз, не было. Однако при сложившихся обстоятельствах Ли Сюэлянь ответила:

- Дун Сяньфа берет взятки.

Эти ее слова не имели под собой никакого основания. Возможно, где-то когда-то Дун Сяньфа и брал взятки, но в случае с Ли Сюэлянь об этом говорить не приходилось. и даже то, что жена Дун Сяньфа приняла от Ли Сюэлянь тук хлопка и двух кур, не могло считаться взяткой. Да, кстати, и сам Дун Сяньфа пожурил свою жену за то, что она успела приготовить принесенных в дар кур.

Подул сильный порыв ветра, Сюнь Чжэньи передернулся от холода. Ветер окончательно лишил его трезвости. Всегда такой осторожный, Сюнь Чжэньи в состоянии опьянения легко выходил из себя. Водка превращала его совершенно в другого человека. Во многом это происходило из-за того, что обычно он не выпивал, установив для себя пять ограничений. Поэтому сейчас он нетерпеливо сказал:

- Если бы речь шла о чем-то другом, я, возможно, и взялся бы, но поскольку речь идет о взятке, я это дело вести не в силах.

- Куда же мне тогда идти?
- Это в прокуратуру.

Сюнь Чжэньи говорил правду. Поскольку Дун Сяньфа был государственным служащим, то в случае жалобы на него по судебным вопросам следовало обращаться к председателю суда. Но если Дун Сяньфа самого подозревали во взяточничестве, то обращаться с этим следовало уже не в суд, а в прокуратуру. Ли Сюэлянь, которая не разбиралась в таких тонкостях, взбунтовалась:

- Как так получается, что всякий, к кому я обращаюсь, не в силах разобраться с моими проблемами? Кто мне, в конце концов, может помочь?

В продолжение сказанного, у нее вдруг вырвалось:

– Господин Сюнь, вы ведь председатель суда, вы ведь не можете так же, как Дун Сяньфа, брать взятки?

Последняя фраза возмутила Сюнь Чжэнью. Возможно, где-то когда-то он и брал взятки, но в случае с Ли Сюэлянь об этом говорить не приходилось. Будь он трезвым, то наверняка бы сдержался, но, выпив лишнего, он вконец обозлился. не в силах усмирить свой гнев, он зарычал:

– Да мы с тобой первый раз видимся, как я мог у тебя брать взятку? Ах ты шваль, катись отсюда подальше!

Последняя фраза точь-в-точь повторяла оскорбления Дун Сяньфа.

8

Начальника уезда Ши Вэйминя⁶ Ли Сюэлянь увидела перед главным входом в уездную управу. Он как раз уселся в машину и решил в пути перекусить кашей. Вдруг прямо перед машиной, преградив путь, выскочила женщина. Водитель ударил по тормозам, отчего Ши Вэйминь уперся головой в переднее кресло, вся каша выплеснулась на него. Потирая ушибленное место, он вернулся в прежнее положение. Подняв, наконец, голову, он увидел перед машиной стоящую на коленях женщину. Она высоко держала над собой картонку, на которой крупным почерком было написано одно-единственное слово: «ОБИЖЕННАЯ».

Было воскресенье. По идее, не тот день, когда Ши Вэйминь должен был быть на работе. Однако начальник уезда Ши Вэйминь по воскресеньям никогда не отдыхал. в уезде проживало больше миллиона человек: рабочие, крестьяне, торговцы, учащиеся с их вечными проблемами – так что дел невпроворот. Каждый день к ним спускалось больше ста бумаг разных уровней: от центрального до провинциального и городского, которые требовали участия Ши Вэйминя. и если рабочие трудились по восемь часов в сутки, то Ши Вэйминь пропадал на работе по четырнадцать-пятнадцать часов, в том числе заседа по ночам. к тому же каждый день из провинции или города в уезд с ревизией приезжали представители различных департаментов. а так как от провинции до города насчитывалось больше ста департаментов, то день-деньской в уездных ресторанах устраивались званые приемы как минимум для восьми делегаций инспекторов высшего ранга. Принимая во внимание и обеды и ужины, Ши Вэйминю необходимо было сопровождать гостей шестнадцать раз. Имея дело исключительно с органами власти, он никого не мог обидеть. Желудок Ши Вэйминя такого напора со стороны спиртного вынести не мог. Частенько Ши Вэйминь, держась за больной желудок, со вздохом обращался к нему:

– Должность начальника уезда для простых смертных невыносима.

Однако занять должность начальника уезда тоже непросто. в каждом уезде таких желающих больше миллиона, вряд ли наберется столько сорняков на могильных холмах. Но что еще важнее, государственная служба – это своего рода заколдованный круг: став сельским старостой, ты мечтаешь о должности начальника уезда, а став начальником уезда, ты мечтаешь о должности мэра города или губернатора провинции. Так что, кроме как на себя, тут обижаться не на кого. Надеясь постичь эту истину, бедняга Ши Вэйминь безропотно проводил на работе целые дни. и теперь сорванный водкой, нуждался в его внимании. а поскольку во время обедов и ужинов Ши Вэйминю приходилось выпивать, у него оставалось в запасе лишь утро, когда он питался исключительно жидкой кашей. в ней присутствовали кусочки тыквы и батата, так что она была сытной и питательной. Если же после запоздалого ужина Ши Вэйминь на утро вставал позже обыкновенного, то он в спешке выбежал из дома и ел свою кашу

⁶ Имя Вэйминь дословно означает «для народа».

прямо в машине. Отправляясь к начальнику уезда, Ли Сюэлянь учла горький опыт встречи с председателем суда Сюнь Чжэнги, поэтому отныне все ее встречи, вместо обеда или вечера, переносились на раннее утро. Ведь в обед или под вечер велика вероятность, что человек напьется, а по утрам люди обычно трезвы как стеклышко. Именно поэтому в это раннее утро Ли Сюэлянь и начальник уезда Ши Вэйминь столкнулись перед главным входом в уездную управу.

Сегодня Ши Вэйминь должен был участвовать в церемонии разрезания ленточки по случаю открытия одного отеля. Этот отель назывался «Рай на краю земли». Но, в отличие от «края земли», находился он все-таки в пределах досягаемости. Отель расположился в роще, что находилась в десяти километрах к юго-западу от уездного центра. Время от времени сюда прилетали птицы, кроме того, хозяин отеля завел нескольких пятнистых оленей, поэтому данное местечко и стало именоваться «Рай на краю земли». Но было здесь и кое-что покруче: прямо за рестораном возвышался навороченный спа-комплекс, в котором, кроме сауны и массажа, имелись все виды удовольствий на любой вкус. Вообще-то, поскольку деятельность такого рода заведений можно рассматривать как сомнительную, начальнику уезда Ши Вэйминю негоже было участвовать в церемонии его открытия. Но все дело в том, что хозяином «Рая на краю земли» был шурином одного из руководителей провинции, который арендовал данный земельный участок. Поскольку участок находился на территории уезда, патроном которого являлся Ши Вэйминь, последнему предписывалось участвовать в церемонии разрезания ленточки. Как бы то ни было, после того, как «Рай на краю земли» начнет свою деятельность, уезд будет получать от него налоги, а это также входит в сферу контроля начальника уезда. Открытие ресторана было задумано на воскресенье с тем умыслом, чтобы всем доставить удовольствие. Задержавшись на вечернем приеме, Ши Вэйминь проснулся поздно, а потому сейчас ел свою кашу в машине. Церемония открытия «Рая на краю земли» планировалась на девять утра, когда они выехали, было уже восемь тридцать, из-за чего Ши Вэйминь немного волновался. Теперь же, когда на выезде из уездной управы их машину тормознули, Ши Вэйминь забеспокоился еще больше. Но гораздо больше Ши Вэйминя разволновался его водитель. Его вывело из себя не то, что они опаздывают на церемонию разрезания ленточки, и не то, что начальник уезда ударился головой о спинку переднего сиденья и весь облился своей кашей, а то, что к нему прямо под колеса неожиданно плюхнулась какая-то женщина. Резко затормозив, он весь покрылся холодным потом. Свесившись из окошка, он закричал:

– Жить надоело?

Ши Вэйминь оказался более сдержанным, чем его водитель. Такое с ним случилось не в первый раз. Можно сказать, что и это являлось частью его работы. Утихомирив водителя, он открыл дверцу, вышел из машины, отряхнулся от каши и пошел поднимать с дороги женщину.

– Поднимайся и говори, если есть что сказать.

Ли Сюэлянь поднялась. Ши Вэйминь обратился к ней снова:

– Кто тебе нужен?

– Начальник уезда.

Ши Вэйминь просек, что эта женщина живет без телевизора и уездные теленовости не смотрит, следовательно, она не могла узнать его в лицо. Тогда он спросил:

– Зачем тебе начальник уезда?

Ли Сюэлянь подняла над головой свою картонку с надписью «Обиженная» и сказала:

– Жаловаться.

– На кого?

– У меня не одна жалоба.

– А сколько? – громко фыркнул Ши Вэйминь.

– Первая жалоба касается председателя суда Сюнь Чжэньи, вторая – члена судебной коллегии Дун Сяньфа, третья – судьи Ван Гундао, четвертая – моего мужа Цинь Юйхэ, а пятая жалоба касается самой меня.

Ши Вэйминь пришел в замешательство. Его смутило не количество человек, с которыми она собиралась судиться, а то, что последней в этом списке значилась она сама. Ну, где еще такое услышишь, чтобы человек жаловался сам на себя? Ши Вэйминь заключил, что случай этот был непростым, и двумя словами тут не отделаешься. Он взглянул на часы, они показывали уже восемь сорок, и сказал:

– Раз нужен начальник уезда, то я его сейчас вызову.

С этими словами он бегом устремился ко входу в управу. Во-первых, он убежал, чтобы освободиться от этой женщины – все-таки хорошо, что он торопился на церемонию открытия ресторана. Во-вторых, ему все-таки нельзя было разрезать ленточку, будучи с ног до головы уделанным кашей, сперва следовало забежать в кабинет и переодеться. Но Ли Сюэлянь поспешила его удержать:

– Не убегай, я вижу, что ты и есть начальник уезда.

Смахивая с себя остатки каши, Ши Вэйминь спросил ее:

– А с чего это ты решила, что я начальник уезда?

– Я разузнала номер твоей машины. Раз ты сидел в этой машине, то ты и есть начальник уезда.

– В машине начальника уезда не обязательно ездит он лично, я вот являюсь его секретарем. у тебя настолько сложное дело, что сам я ничего не подскажу, поэтому вызову к тебе начальника.

Ли Сюэлянь пришлось его отпустить. Ши Вэйминь рысью помчался в кабинет. Переодеваясь, он отдал распоряжение позвонить начальнику отдела по приему и рассмотрению жалоб, чтобы тот вышел к главному входу и уладил дела с оставшейся там жалобщицей. Переодевшись, Ши Вэйминь пересел на другую машину и выехал из здания уездной управы через черный ход на церемонию открытия «Рая на краю земли».

За день не случилось ничего примечательного. Вечером Ши Вэйминь снова направился в гостиницу при уездной управе, в которой он должен был отужинать с приехавшими из центра провинции семью-восемью делегациями. Когда его машина подъехала ко входу в гостиницу, на ее ступеньках стоял начальник уездного отдела по приему и рассмотрению жалоб от населения. Фамилия у начальника была Люй. к этому моменту Ши Вэйминь уже успел позабыть об утреннем инциденте с жалобщицей. Увидев выходящего из машины Ши Вэйминя, Лао Люй радостно направился к нему:

– Начальник Ши, мне требуется ваша поддержка.

– В каком смысле?

– Тут сейчас должен подъехать начальник Чжан из городского отдела по приему и рассмотрению жалоб, наш кабинет 888⁷. Может, придете к нам через какое-то время оказать внимание?

Ши Вэйминь остолбенел:

– А я и не слышал о приезде начальника Чжана.

– Совершенно неожиданно позвонили. Я обычно не докучаю вам с просьбами, но сейчас такой важный момент, на носу городской отчет по работе отдела за первый квартал.

Ши Вэйминь показал на свои пальцы:

– Ты у меня уже девятым будешь.

– Выпьете три рюмочки и пойдете. Пока будем выпивать, обсудим три самые главные жалобы. Ведь это может касаться вопросов стабильности. а если у нас в уезде с этим возникнут

⁷ Цифра «восемь» созвучна слову «процветать» и сулит богатство.

проблемы, то разве не мне первому дадут по шапке как начальнику отдела по приему и рассмотрению жалоб?

– Хорошо-хорошо, приду, мог бы своей шапкой меня и не жалобить.

Лао Люй засмеялся. и тут Ши Вэйминь вдруг вспомнил ту жалобщицу, которую встретил утром у входа в здание уездной управы.

– Послушай, а что там с той женщиной, которая сегодня утром атаковала мою машину?

Лао Люй отмахнулся:

– Да какая-то скандалистка, я ее спровадил.

Ши Вэйминя это напрягло.

– Броситься под машину, написать на всю картонку «Обиженная» – ее нельзя назвать просто скандалисткой.

– Да у нее только надпись большая, а проблема чуть крупнее кунжутного зернышка.

– Что за проблема?

– В прошлом году развелась, а теперь жалеет, доказывая, что развод был фиктивным.

– А к чему из-за такого пустяка обвинять так много людей? Ведь все, на кого она жалуется, работают в суде. Она что же, обратилась в суд, а суд допустил оплошность?

– Я навел справки. Суд никакой оплошности не допустил, ее дело рассмотрели, а она стала по этому поводу жаловаться. Она утверждает, что развод фиктивный, но вот суд признал ее развод настоящим. Ну разве можно теперь из-за ее жалобы заставить суд незаконно признать ее развод фиктивным?

Ши Вэйминь огорчился за Ли Сюэлянь:

– Было бы из-за чего судиться, раз уж развелась, к чему теперь жалеть?

– Даже если она сожалеет об этом, то пусть устраивает разборки со своим бывшим мужем, при чем тут наша управа? Ведь не мы же с ней развелись.

Ши Вэйминь звучно хохотнул:

– Да тут человек от злости лопается, а ты все язвишь.

В этот момент ко входу гостиницы в сопровождении заместителя начальника уезда прибыл заместитель начальника провинциального департамента водных ресурсов. Ши Вэйминь оставил Лао Люя и с улыбкой устремился пожать руку гостю, после чего все вместе они вошли в гостиницу.

9

Водрузив на голову надпись «Обиженная», Ли Сюэлянь три дня просидела перед входом в городскую администрацию, прежде чем об этом узнал мэр города Цай Фубан. Цай Фубан⁸ не обнаружил этого вовсе не потому, что смотрел на такое сквозь пальцы, а потому что уехал в командировку в Пекин. Ну а возвратившись из Пекина, он, наконец, увидел, что у входа в городскую администрацию преспокойно сидит человек, плотно окруженный толпой. Приходившие в администрацию служащие вынуждены были пешком проталкиваться со своими велосипедами сквозь эту толпу. Цай Фубан сильно рассердился. Его гнев был направлен не на сидевшую у входа Ли Сюэлянь, а на своего заместителя и первого вице-мэра Дяо Чэнсиня. Пока Цай Фубан находился в Пекине, Дяо Чэнсинь никуда не уезжал и, тем не менее, позволил, чтобы такое длилось уже целых три дня, предпочитая не вмешиваться самому, а дожидаться Цай Фубана. Все работники администрации знали, что между мэром и его первым замом часто возникали конфликты. Эти конфликты уже набили оскомину Цай Фубану, ведь создавались они не им самим, тут имелась историческая подоплека. Лет десять назад оба они работали секретарями уездных парткомов, отношения между ними были нормальными, они часто вместе выпи-

⁸ Имя Фубан дословно можно перевести как «богатая держава».

вали. Позже их обоих выдвинули на место заместителя мэра города. при этом фамилия Дяо Чэнсиня оказалась по алфавитному списку даже выше, чем Цай Фубан. Во время следующего повышения один стал начальником отдела пропаганды горкома партии, а другой – начальником орготдела. а потом, когда Цай Фубана назначили заместителем секретаря горкома, он оказался выше Дяо Чэнсиня, который значился в должности первого вице-мэра. Чуть позже, когда Цай Фубан стал мэром, Дяо Чэнсинь, оставшийся на прежнем месте, оказался в заместителях у Цай Фубана. Их подъем по карьерной лестнице оказался настолько тесным, что если кто-то оказывался впереди, то заслонял дорогу другому. Так что несогласие и затаенная обида появились между ними сами собой, превратив обычных коллег в соперников. Разумеется, на людях они никогда не показывали своего соперничества, продолжая общаться по всем правилам этикета. Однако за спиной Дяо Чэнсинь частенько строил козни Цай Фубану. и то, что он три дня не предпринимал никаких действий в отношении сидящей у входа жалобщицы, ожидая возвращения Цай Фубана, было лишь одной из его многочисленных каверз. Цай Фубан сердился на Дяо Чэнсиня даже не из-за того, что тот ставил ему палки в колеса, он удивлялся его глупости и недалковидности. Ведь продвижение их обоих зависело не от Цай Фубана, а от провинциальных руководителей. и если ты метишь в мэры города, то наиболее разумным было поддерживать Цай Фубана в работе. Ведь если Цай Фубана повысят раньше, то разве не тебе придется занять пост мэра? Если же между ними будет идти неистовая борьба, то эдак вообще будет невозможно работать, в результате Цай Фубан навечно застрянет в мэрах, а ты так и останешься его первым замом. Ведь что такое моральное разложение? Это не только взяточничество, коррупция и разврат. Наивысшая степень морального разложения – это когда человек, будучи на своем месте, проявляет полное бездействие, но еще хуже, когда люди типа Дяо Чэнсиня, будучи на своем месте, делают подлянки. Но худшее из худшего, это когда ты ничего не можешь с этим поделать, потому как Дяо Чэнсинь назначен на пост первого зама не самим Цай Фубаном, а начальством провинции. Но более всего Цай Фубана бесило то, что Дяо Чэнсинь, строя свои козни, совершенно не считался с объективной ситуацией. а ведь именно сейчас в их городе проводилась кампания за получение звания «Города высокой духовной культуры». Во всем Китае таких «городов высокой духовной культуры» насчитывалось лишь несколько десятков. Обретение данного статуса поднимало имидж города на новый уровень, что совершенно очевидно отражалось на инвестиционной среде и на инвестиционном климате. Это могло предоставить им преимущество в переговорах с иностранными предпринимателями и при получении инвестиций. Чтобы организовать эту кампанию по построению «города высокой духовной культуры», Цай Фубан потратил целый год нечеловеческих усилий, в результате которых во всем городе были приведены в порядок парки, улицы, водостоки, учебные заведения, рынки и трущобы. Наружные фасады всех примыкающих к улицам домов засияли новыми красками. Целый год шла подготовка к одному-единственному дню. и вот через три дня к ним в город должна была приехать группа столичных и провинциальных руководителей, отбиравших «города высокой духовной культуры». за месяц до их визита Цай Фубан отдал распоряжение чиновникам и населению выйти на улицы города и уничтожить всех мух. Для работников госучреждений вышло постановление, что если ежедневно сотрудники будут сдавать по десять мух, то это увяжут с их аттестацией в конце года. на мух была объявлена настоящая охота, и уже через полмесяца установленный норматив в десять мух превратился в невыполнимую задачу, что вызвало среди служащих ропот недовольства. Но ропот ропотом, а в городе действительно не осталось ни одной мухи. Цай Фубан был в курсе возмущенных голосов, однако на попятную не пошел. в конце концов ловля мух сопровождалась песнями школьников и танцами бабушек. в этот раз Цай Фубан съездил в Пекин, чтобы доложить о результатах построения «города высокой духовной культуры». а возвратившись, он стал готовиться к встрече группы руководителей отбора «городов высокой духовной культуры». По возвращении он никак не ожидал, что прямо у входа в городскую администрацию обнаружит

на ступеньках жалобщицу, которая сидела там уже три дня, и которой еще никто не занялся. Может это покажется и грубоватым, но выходило, что в городе, полностью очищенном от мух, прямо у входа в администрацию вдруг появилась огромная муха. Но разве это делалось не специально, чтобы сорвать мероприятие по построению «Города высокой духовной культуры»? Войдя в свой кабинет, Цай Фубан тут же вызвал к себе начальника секретариата, указал ему через окно на вход в здание и гневно спросил:

– Это что такое?

Худой, словно жердь, начальник секретариата с лицом, выдававшим в нем заядлого курильщика, послушно ответил:

– Какая-то жалобщица.

– Я понимаю, что жалобщица. Слышал, что она уже три дня тут сидит, почему ею еще никто не занялся?

– Занимались, она нас не слушает.

– Дяо Чэнсинь эти дни на работе не появлялся? Он что, решил закрыть глаза на это?

Начальник секретариата не осмелился участвовать в подстрекательстве и торопливо заявил:

– Дяо Чэнсинь ею и занимался, лично вышел к ней поговорить, но она не подчиняется. а поскольку это все-таки женщина, да и зевак вокруг нее много, то полицию здесь лучше не привлекать, а то хуже будет.

Цай Фубан несколько успокоился, хотя недовольства в его душе прибавилось:

– Насколько сложное у нее дело? с работы выгнали, убила кого или просто провокаторша?

– Никого не убила, провокаций не устраивала, дело пустяковое. Она развелась, а потом пожалела об этом. Я думаю, что она просто надеется получить какие-то деньги. Однако уладить ее дело очень сложно как раз из-за его ничтожности. Вот если бы тут речь шла об убийстве или подстрекательстве, тогда никаких проблем бы не было.

– Из какого она уезда? Там ее вопрос не рассматривали?

– Рассматривали, но до конца ее дело не довели. Она сейчас жалуется не на одного, а сразу на нескольких человек.

– На кого именно?

– Поскольку разобраться с ее делом невозможно, она всех обвинила в недееспособности. Ее жалобы касаются начальника уезда, председателя суда, члена судебной коллегии, судьи, который вел ее дело, ее мужа, кого-то еще – я всех сразу и не запомнил.

Цай Фубан даже прищелкнул языком:

– Какая она боевая, из-за какой-то мелочи дошла до таких инстанций.

Начальник секретариата закивал:

– Упрямая. Мэр Цай, – тут же спросил он, – что, по-вашему, с ней делать?

Цай Фубан снова разозлился:

– Вы же говорите, что все уже с ней повозились. а теперь, дойдя до верхушки, хотите скинуть все на мою голову, чтобы теперь ею занялся я? Через три дня в наш город придет делегация по отбору «городов высокой духовной культуры»... Да что тут спрашивать, что делать? Убрать ее нужно побыстрее, а если возникнут проблемы, то поговорим через неделю.

Данное распоряжение Цай Фубан отдал утром. Утром Ли Сюэлянь все еще продолжала сидеть у входа в здание администрации со своей надписью «Обиженная». После обеда она также оставалась на месте, ее никто не трогал. к вечеру толпа зевак разошлась и Лю Сюэлянь осталась одна. Она достала из пачки сухарь и только собралась отправить его в рот, как в этот момент к ней подоспели несколько полицейских в штатском и, ни слова не говоря, схватили и увели. Мэр Цай Фубан распорядился только о том, чтобы увести Ли Сюэлянь, но не сказал куда именно. Отдав указание, он отправился по своим делам. Его распоряжение спустилось вниз по всем инстанциям: от городской администрации до полицейского управле-

ния, от полицейского управления до районных отделений полиций, вплоть до полицейского участка на улице Дундацзе. Данное указание, словно пройдя через сломанный телефон, стало восприниматься как прихоть мэра, который в гневе распорядился заключить эту женщину под стражу. и несколько полицейских, насильно схватив Ли Сюэлянь, ни слова не говоря, а просто под предлогом того, что она «нарушает общественный порядок», заключили ее в камеру.

10

Спустя три дня город выдержал испытания приемной комиссии и получил звание «Города высокой духовной культуры». а через семь дней из-под стражи выпустили Ли Сюэлянь. Эти два события, построение «города высокой духовной культуры» и жалоба Ли Сюэлянь, изначально никак не были связаны друг с другом, но поскольку из-за первого Ли Сюэлянь попала за решетку, то связь между ними образовалась. Однако после своего освобождения Ли Сюэлянь не стала вникать в процесс присвоения городу высокого звания. Всякому в этом городе было известно, что Ли Сюэлянь схватили по приказу мэра Цай Фубана, в общем-то, и сама Ли Сюэлянь знала об этом. Очутившись на свободе, она не стала разыскивать Цай Фубана, равно как и продолжать свою сидячую манифестацию у входа в городскую администрацию. Вместо этого она вернулась в свой родной поселок и направилась к мяснику Лао Ху. Лао Ху по-прежнему торговал на рынке, и его лавка по-прежнему ломилась от мяса. Еще издали Ли Сюэлянь закричала:

– Лао Ху, выходи, есть разговор.

Лао Ху в это время, склонившись к прилавку, разделывал мясо. Подняв голову и заметив Ли Сюэлянь, он удивился. Отложив в сторону нож, он вышел к Ли Сюэлянь и прошел с ней на заброшенную мельницу за рынком.

– Сокровище мое, слышал, тебя держали под арестом.

Ли Сюэлянь улыбнулась:

– Ну ведь теперь я перед тобой?

Лао Ху посмотрел на нее и изумился:

– Что-то не похоже, что тебя в тюрьме держали, вон какое личико свежее.

Придвигаясь поближе, он продолжал:

– А как благоухаешь.

– Мне в тюрьме понравилось, сидишь себе, ни о чем не беспокоишься, да еще и кормят три раза в день.

Ли Сюэлянь солгала. за семь дней под стражей она изрядно натерпелась. в маленькой темной камере, как селедки в банке, теснилось больше десяти женщин. а трехразовое питание состояло из одной пампушки и порции соленых овощей за раз, что явно не утоляло голод. Отдельная тема – справление естественных нужд. Тут невольно да обделаешься, если тебя не выпускают. Многие женщины, так и не дождавшись разрешения сходить в туалет, мочились прямо в камере, и Ли Сюэлянь не была исключением, поэтому можно не упоминать о том, как пахло внутри. Но испытанием пострашнее было то, что заключенным в течение целого дня запрещалось разговаривать. Если голод и вонь еще как-то переносились, то невозможность поговорить просто сводила с ума. Выйдя из-под ареста, Ли Сюэлянь первым делом отправилась на пшеничное поле насытиться свежим воздухом, там же, обращаясь в синюю горную даль, она прокричала:

– Едрить твою мать!

Потом она ходила в баню, а, возвратившись домой, переделась и привела в порядок лицо, сдобрив его кремом и нанеся румяна, и только после этого она направилась к Лао Ху. Но Лао Ху все это было невдомек.

– Лао Ху, помнишь наш уговор месяц назад?

– Какой?

– Ты обещал помочь мне убить.

Лао Ху удивился:

– Я-то говорил, да ты ведь тогда сама не позволила мне этого сделать.

– Тогда не позволила, а сейчас передумала.

Глазки Лао Ху забегали:

– Ну, раз такое дело, то сначала мы свои дела должны сделать, а потом уже убивать.

– Хорошо.

Лао Ху от радости чуть не пустился в пляс, подскочив к Ли Сюэлянь, он схватил ее за грудь.

– Когда приступим? Может, прямо сегодня?

– А ты знаешь, кого нужно убить? – спросила Ли Сюэлянь, сдерживая натиск Лао Ху.

– Разве не Цинь Юйхэ?

– Кроме него, появились другие.

– Кто же? – удивился Лао Ху.

Ли Сюэлянь достала из кармана бумажку со списком, в котором значились:

- *мэр города Цай Фубан,*
- *начальник уезда Ши Вэйминь,*
- *председатель суда Сюнь Чжэнги,*
- *член судебной коллегии Дун Сяньфа,*
- *судья Ван Гундао,*
- *выродок Цинь Юйхэ.*

Лао Ху от увиденного ошалел.

– Сокровище мое, ты после тюрьмы никак с ума спятила?

– Все они гады последние.

– Да как же я один всех их прикончу? – заикаясь, спросил Лао Ху. – К тому же все они, кроме Цинь Юйхэ, занимают высокие должности, с утра до ночи на людях, с ними сложно расправиться.

– Сколько прикончишь, столько и прикончишь, они меня к стенке приперли.

Лао Ху сразу сник. Обхватив голову руками, он присел на корточки на вытопанной у жернова дорожке и закатил глаза:

– И тебе кажется, что это справедливая сделка? Я тебя один раз трахну, а убивать мне за это придется аж шесть человек.

Он снова обхватил голову:

– Ты что ж думаешь, я преступник какой?

Ли Сюэлянь с презрением плюнула на пол:

– Я так и знала, что ты просто морочишь мне голову.

На ее глазах невольно навернулись слезы. Она пнула Лао Ху и вышла вон.

11

Распрошавшись с Лао Ху, Ли Сюэлянь отбросила мысль об убийстве. и не только об убийстве, но и просто об избиении кого бы то ни было. Теперь она не только не собиралась причинять физического вреда, но даже подавать жалобу в суд. Она вдруг осознала всю бесполезность своих страданий. Ведь она-то думала, что заставит страдать других, кто же знал, что все это обернется против нее самой. не найдя душевного успокоения, она захотела еще раз прояснить свою ситуацию. Никто во всем мире не прояснит ей этого, кроме одного-единственного человека. Все вокруг твердили, что она врет, и был лишь один человек, который знал, что она все-таки говорит правду. Все говорили, что прошлогодний развод Ли Сюэлянь был

настоящим, лишь один человек знал, что это не так, понимая всю подоплеку этой истории. Именно этот человек подтолкнул Ли Сюэлянь к тому отчаянному положению, в котором она не имела возможности ничего доказать, да еще и просидела семь дней под арестом. и этот человек был не кто иной, как ее бывший муж Цинь Юйхэ. Ей захотелось поговорить с ним с глазу на глаз, чтобы все-таки выяснить суть их прошлогоднего развода. Только теперь она преследовала совершенно другую цель. Если раньше из-за его слов она хотела обратиться в суд, то теперь она судиться не собиралась. После выяснения правды она больше не думала по новой выходить за Цинь Юйхэ замуж, потом снова с ним разводиться, что привело бы его к разводу с нынешней женой, и чтобы в этой смертельной схватке все измучались до предела. Теперь ей просто требовалось его признание как таковое. Если в этом мире останется хоть один человек, который признает ее правоту, она сама прекратит войну и больше не будет вспоминать прошлую обиду. Ли Сюэлянь не могла доказать свою правоту никому, кроме себя. Она решила устроить такой финал ради того, чтобы покончить со своим прошлым и начать строить будущее. в этом году Ли Сюэлянь исполнилось двадцать девять. Вроде как не мало, но и не много. Ли Сюэлянь не была уродливой: большеглазая, круглолицая, фигуристая. Иначе с чего бы это к ней, словно муха на мед, лип мясник Лао Ху. не могла же она все свои лучшие годы потратить на эти дрязги. Поэтому она решила отпустить все свои злые чувства и заняться поиском нового мужа. Когда же она найдет такового, они вместе с дочерью спокойно начнут новую жизнь.

Чтобы порвать с прошлым и начать строить будущее, Ли Сюэлянь снова отправилась на химзавод в западной части уездного центра для разговора с Цинь Юйхэ. Месяц назад она уже приезжала сюда, но тогда она хотела заманить его в поселок и убить. а чтобы он купился, она даже прихватила с собой их двухмесячную дочь. Однако в прошлый раз ей не удалось найти на заводе Цинь Юйхэ, поскольку тот повез в провинцию Хэйлунцзян химудобрения. Как и ее младший брат Ли Инъюн, который, не желая помогать Ли Сюэлянь в убийстве, уехал в провинцию Шаньдун, тот тоже удрал. Цинь Юйхэ очень повезло, что он тогда скрылся, иначе, вполне возможно, что его бы уже убили. а если бы его тогда убили, где бы сейчас находилась Ли Сюэлянь? не исключено, что в тюрьме, в ожидании расстрела, и не пришла бы она сейчас к Цинь Юйхэ во второй раз. Если в прошлый раз она не нашла Цинь Юйхэ, то сейчас Ли Сюэлянь увидела его, едва прибыв на место. Цинь Юйхэ сидел в местном ресторанчике и безмятежно попивал пиво. Он сидел не один, вокруг стола разместилось еще пять-шесть мужчин. в одном из них, с бородой, Ли Сюэлянь узнала Лао Чжана, который тоже работал на заводе водителем. Они выпивали и о чем-то разговаривали. Если за ориентир взять заводские ворота, то слева от них находился платный туалет, а справа – этот ресторанчик. От него было рукой подать до туалета, и каждый здесь шел по своим делам: кто в туалет, а кто поест или выпить. с тех пор как Ли Сюэлянь подала жалобу в суд и Ван Гундао постановил, что ее дело проиграно, Цинь Юйхэ перестал прятаться от Ли Сюэлянь. Начав жить в открытую, Цинь Юйхэ перестал ездить в Хэйлунцзян с химудобрениями и вернулся к тому, что вместе с друзьями выпивал пиво у завода. Он считал этот инцидент исчерпанным. Когда Ли Сюэлянь увидела Цинь Юйхэ и его сотоварищей за выпивкой, те еще не успели заметить ее. Ли Сюэлянь направилась прямо к ним и окликнула Цинь Юйхэ.

Цинь Юйхэ повернул голову и, увидев Ли Сюэлянь, которую совсем не ожидал, очень сильно удивился. Удивился не только он один, но и его друзья. Однако Цинь Юйхэ очень быстро взял себя в руки.

– Чего надо?

– Подойди ко мне, есть разговор.

Цинь Юйхэ поглядел на сидящих за столом и даже не шевельнулся.

– Что за разговор? Если есть, что сказать, здесь и говори.

– Это касается только нас двоих.

Не зная ничего о целях и намерениях Ли Сюэлянь, он продолжал игнорировать ее просьбы:

– Есть, что сказать, говори здесь. а о наших личных делах всем в уезде давно известно, так что таить уже нечего.

Ли Сюэлянь поразмыслила и сказала:

– Так и быть, скажу здесь.

– Говори.

– Раз уж наш разговор происходит на людях, ты прямо при них и скажи мне правду. Тот прошлогодний развод между нами был настоящим или фиктивным?

Услыхав, что Ли Сюэлянь снова стала ворошить прошлое, Цинь Юйхэ не сдержался. Он никак не думал, что Ли Сюэлянь снова поднимает эту тему лишь для того, чтобы покончить с ней навсегда. Единственное, чего хотелось Ли Сюэлянь, это получить от него ответ на этот вопрос. Он же решил, что Ли Сюэлянь снова хочет вытащить и разворошить прошлое.

Он буркнул:

– Настоящий или фиктивный – какая разница, ты же разбиралась с этим в суде? Что там тебе сказали?

– Суд признал меня проигравшей. Но сейчас мне нет дела до суда и до кого бы то ни было. Я хочу спросить у тебя, верное ли решение принял суд? Каким был наш прошлогодний развод: настоящим или фиктивным?

Такое поведение Ли Сюэлянь показалось Цинь Юйхэ вдвойне подозрительным, он рассматривал это как продолжение схватки. Ведь мало ли как она использует его признание. а может, у нее диктофон где-нибудь припрятан? Он потемнел лицом и заявил:

– Я не буду тут морочить тебе голову, потому как суд уже все рассудил. а если у тебя остались какие-то вопросы, иди и жалуйся снова.

Не сдержавшись, Ли Сюэлянь заплакала:

– Цинь Юйхэ, какой ты бессовестный, как ты можешь так бессовестно врать? Да как ты вообще можешь говорить такое? Мы ведь ясно с тобой договорились, что развод будет фиктивным, почему же ты, без всякого предупреждения, изменил решение? Ну ладно бы просто передумал, так еще и предал меня. Ведь если это был фиктивный развод, почему ты стал говорить, что это не так?

Слезы Ли Сюэлянь только сильнее разозлили Цинь Юйхэ:

– Это кто же тебя предал? Я тебя предал или все, начиная с суда и заканчивая чиновниками разных уровней? Ли Сюэлянь, при сложившихся обстоятельствах я тебе очень советую не нарываться. Если это продолжится, до чего мы договоримся? до того, что и я тебя несправедливо обидел, и судья, и член судебной коллегии, и председатель суда, и начальник уезда и даже сам мэр города? Сейчас, пока ты не возбужаешь, дело твое всерьез не воспринимают, разве что задержанием все и ограничилось. а если и дальше будешь рыпаться, то дело примет крутой оборот, и тогда, того и гляди, в тюрьму тебя посадят!

Чуть помолчав, он добавил:

– Ведь ты сейчас ищешь во мне врага? Судья, член судебной коллегии, председатель суда, начальник уезда и даже сам мэр города – все для тебя враги. Вот и подумай, что хорошего ты от этого поимеешь?

Когда Ли Сюэлянь ехала к Цинь Юйхэ, у нее и в мыслях не было опять с ним ссориться, ей требовалось только одно его слово. Но когда Цинь Юйхэ повернул разговор в такое русло, в Ли Сюэлянь снова разгорелся огонь. Нынешний Цинь Юйхэ был нисколько не похож на Цинь Юйхэ прежнего, он изменился. Когда они жили вместе, простой водитель Цинь Юйхэ, бывало, тоже выкидывал фортеля, но в пределах разумного, до крайностей Ли Сюэлянь не доводил. Кто мог подумать, что за один год они превратятся во врагов, и он станет совершенно *непрошибаем*. Если бы не его безразличие, он и не женился бы второй раз, и не позволил бы прилюдно

говорить на личные темы. Но более всего выводило из себя то, что в ходе разговора он привлек на свою сторону и судью, и члена судебной коллегии, и председателя суда, и начальника уезда, и мэра города, точно они были его родственники, а Ли Сюэлянь осталась вроде как одна-одинешенька. Но разве не так все сложилось на самом деле за этот месяц? Разве не встали все вышеперечисленные на сторону Цинь Юйхэ? Последней каплей для Ли Сюэлянь стало то, что когда Цинь Юйхэ договорил, он смачно сплюнул, взял со стола бутылку и, задрав голову, сделал несколько шумных глотков пива. у Ли Сюэлянь не было при себе ножа, но, если бы был, она не раздумывая нашла бы ему применение и убила бы Цинь Юйхэ. Тут со своего места поднялся друг Цинь Юйхэ, Лао Чжан, и стал уговаривать Ли Сюэлянь:

– Сюэлянь, тут так быстро не разберешься, сейчас тебе лучше уйти.

Ли Сюэлянь никуда не ушла, а лишь снова запричитала:

– Цинь Юйхэ, ведь мы все-таки были с тобою супругами. Откуда такая жестокость? Мне нет никакого дела ни до суда, ни до начальника уезда или мэра города, я только хотела узнать, неужели, пока я носила под сердцем ребенка, ты еще с кем-то трахался, есть ли у тебя вообще совесть?

Услышав от Ли Сюэлянь о своих похождениях, Цинь Юйхэ разозлился пуще прежнего. Он снова, задрав голову, с шумом отхлебнул из бутылки и еще раз сплюнул на землю:

– А это вопрос не ко мне, а к тебе.

– В каком смысле? – оторопела Ли Сюэлянь.

– Если уж вспоминать, кто с кем трахался, тогда я первый остался в дураках.

– В каком смысле?

– Когда я женился на тебе, ты что, девственницей была? Ведь сама призналась в первую брачную ночь, что у тебя уже был мужик. Да какая ты Ли Сюэлянь? Тебе бы больше имя Пань Цзиньянь⁹ подошло.

Ли Сюэлянь словно громом поразило. не окажись рядом стены, она бы рухнула прямо на землю. Вот уж никак она не ожидала, что Цинь Юйхэ способен рассказать такое. до сегодняшнего дня ее волновал лишь развод с Цинь Юйхэ, она даже не думала, что в конце концов ее возня может привести к тому, что ее сравнят с Пань Цзиньянь. Ведь изначально она хотела как следует измучить Цинь Юйхэ, и никак не ожидала, что все мучения обернутся против нее самой. в юности Ли Сюэлянь считалась красавицей, многие мечтали с ней подружиться. до того как выйти за муж за Цинь Юйхэ, у Ли Сюэлянь уже было несколько парней. с двумя отношения дошли даже до интимных. Но по разным причинам ни с одним из них ее будущее не сложилось, и в конце концов она вышла за муж за Цинь Юйхэ. в первую брачную ночь Цинь Юйхэ уличил Ли Сюэлянь в том, что она не девственница. Во время его допроса Ли Сюэлянь чистосердечно во всем призналась. Но, с другой стороны, сколько сейчас в нашем мире найдется девственниц среди восемнадцатилетних? Сперва Цинь Юйхэ не обрадовался этой новости, но спустя несколько дней после ссоры все это забылось. Кто бы мог подумать, что это продолжит тревожить его душу, и через восемь лет он снова об этом вспомнит? и не просто вспомнит, но еще и воспользуется случаем обернуть это в свою пользу. Что до Пань Цзиньянь, так та блудила с Симэнь Цином, будучи замужем за У Даланом, в то время как все похождения Ли Сюэлянь имели место до свадьбы, когда она еще не была знакома с Цинь Юйхэ. Более того, Ли Сюэлянь, в отличие от Пань Цзиньянь, ради своих любовных отношений не замышляла расправу над собственным мужем, а вот Цинь Юйхэ женился на другой, предав свою бывшую жену. Ли Сюэлянь также заметила, что Цинь Юйхэ выпалил все это импульсивно, высказанное возмущение было не самоцелью, а ответной реакцией на неловкое положение, в котором он оказался, или же он просто хотел от нее отделаться. в результате для Ли Сюэлянь это оказа-

⁹ Героиня классического романа «Цветы сливы в золотой вазе», замужняя женщина, которая прославилась своими любовными похождениями и сладострастием.

лось очень тяжелым ударом. Ведь Цинь Юйхэ говорил с ней не с глазу на глаз, здесь за пивом сидела целая компания. Есть хорошая поговорка: «Добрые вести сидят дома, а плохие вести не стоят на месте». Да ведь уже завтра утром эта новость о Ли Сюэлянь, под личиной которой скрывается Пань Цзиньлянь, разнесется по всему уезду, значит, послезавтра эта новость достигнет и города, ведь благодаря своей судебной тяжбе Ли Сюэлянь и в уезде, и в городе стала местной знаменитостью. Дело о Пань Цзиньлянь, в отличие от тонкостей бракоразводного процесса, вызовет куда больший интерес, оно уж точно затмит первое. Но важнее всего было то, что превращение Ли Сюэлянь в Пань Цзиньлянь, независимо от того, каким там был их развод с Цинь Юйхэ, давало повод для самых разных сплетен об их личной жизни. Другими словами, репутация Ли Сюэлянь, которую сравнили с Пань Цзиньлянь, теперь будет оправдывать любое поведение Цинь Юйхэ. Ведь при таком раскладе Ли Сюэлянь из разряда жалобщиц моментально попадала в разряд виноватых, а это было хуже всего. Этим визитом Ли Сюэлянь хотела покончить с прошлым ради будущего, она хотела приступить к поискам нового мужа. Если же теперь на нее навесят ярлык Пань Цзиньлянь, то обустроить будущее станет невозможно. Кто же захочет связать свою жизнь с Пань Цзиньлянь? Глядя на приткнувшуюся к стенке Ли Сюэлянь, Лао Чжан напустился на Цинь Юйхэ:

– Ну, это, брат, уже перебор, ты же все переиначил. Правильно говорят: «Если бьешь – то лицо не трожь, а если ругаешь – то не порочь».

Ли Сюэлянь же он посоветовал:

– Сюэлянь, в вашем деле – чем дальше в лес, тем больше дров, сейчас тебе лучше уйти.

Ли Сюэлянь вытерла слезы, повернулась и пошла прочь. не то чтобы она приняла совет Лао Чжана, просто ею завладела новая мысль. Раз уж у нее пропала возможность обустроить свое будущее, она с головой уйдет в прошлое. и если раньше она копалась в своем прошлом лишь ради того, чтобы отстоять правду о разводе, то теперь к этому прибавилась новая цель – доказать, что она не Пань Цзиньлянь. Раньше ее единственной целью было наказать Цинь Юйхэ, а теперь – отстоять свою репутацию. Сложность состояла в том, что вопрос о ее репутации всплыл в связи со спором о ее разводе с Цинь Юйхэ. то есть для того, чтобы доказать, что Ли Сюэлянь это не Пань Цзиньлянь, сперва требовалось разъяснить тонкости их развода. Раньше эти две проблемы никак не были связаны друг с другом, но после этой выходки Цинь Юйхэ они сплелись в один узел, став одним целым. и высказывание Лао Чжана, что «если бьешь – то лицо не трожь, а если ругаешь – то не порочь», на самом деле укололо Ли Сюэлянь, потому как сказанное Цинь Юйхэ все приняли за чистую монету, заведомо признав ее «уязвимость» и приравняв к Пань Цзиньлянь. Сначала она не собиралась скандалить и создавать неприятности, но теперь она снова была готова к бою. Куда же ей следовало обратиться? Во все соответствующие инстанции она уже обратилась. Везде, где только можно было подать жалобу, от уезда и до города, она уже побывала, и везде ей дали от ворот поворот. Если это было бесполезно раньше, то вряд ли что-то изменится сейчас. Того гляди, и вообще упрячут за решетку. и тут ее осенило: нужно уехать отсюда подальше и обратиться со своей жалобой напрямую в Пекин. Пока Ли Сюэлянь не разрулит это дело, она не сможет нормально жить. Тут на местах сидят сплошные придурки, а Пекин – это как-никак столица, там наверняка есть толковые люди. Все местные начальники, от судьи до члена судебной коллегии, от председателя суда до начальника уезда и мэра города, взяли и представили ложь правдой, а в Пекине наверняка смогут отделить правду от неправды. и уже неважно, каков будет вердикт об их разводе, главное – доказать, что она – Ли Сюэлянь, а не Пань Цзиньлянь, или тогда уж – не Пань Цзиньлянь, а Доу Э¹⁰.

¹⁰ Героиня пьесы Гуань Ханьцина «Обида Доу Э» (XIII в.), несправедливо обвиненная женщина.

Ли Сюэлянь выбрала не лучшее время для поездки в столицу. Она ничего не знала о Пекине, равно как и Пекин не имел ни малейшего понятия о том, кто такая Ли Сюэлянь. Ее приезд с жалобой совпал с проведением в Пекине Всекитайского собрания народных представителей¹¹. Этим двум событиям, прежде никак не связанным, угораздило столкнуться в одно и то же время, из-за чего они связались воедино. Когда в Пекине проходит ВСНП, то въезд в столицу всякому сброду закрывают. Четких правил относительно того, кого именно считать сбродом, не существует – к данной категории относили всякого, кто мог навредить съезду. Так что с пекинских улиц за одну ночь исчезли подчистую все собиратели мусора, нищие, воришки, проститутки при салонах красоты, а также жалобщики.

Чтобы добраться до Пекина, Ли Сюэлянь села на рейсовый автобус. Сначала у нее была мысль поехать на поезде, но, чтобы сохранить пятнадцать лишних юаней, она предпочла поехать на автобусе. Ли Сюэлянь протряслась целый день и полночи, и только когда автобус остановился, чтобы оплатить дорожный сбор на въезде из провинции Хэбэй в Пекин, она, наконец, узнала новость о том, что в Пекине проводится ВСНП. у поста выстроился кордон из десяти с лишним полицейских машин с мигалками, – проверяли транспорт, следующий в Пекин. у обочины теснились задержанные рейсовые автобусы, товарняки, маршрутки и легковушки. Автобус Ли Сюэлянь тоже остановили. Для проверки требовалось отстоять огромную очередь из транспорта. Прошло два часа, прежде чем двое полицейских наконец-то зашли в автобус, в котором ехала Ли Сюэлянь. Полицейские поочередно у всех пассажиров проверяли документы, багаж, изучали бумаги, подтверждающие поездку в Пекин, выясняли причину визита. Причины назывались самые разные: кто-то ехал в командировку, кто-то по делам, кто-то к родственникам, кто-то на лечение, был даже человек, который ехал на поиски пропавшего ребенка... После надлежащих расспросов одних оставляли в покое, а других высаживали. Никто из них даже не пытался возражать. Ли Сюэлянь достаточно долго наблюдала за происходящим, но так и не поняла, по какому принципу полицейские выбирают, кого оставить, а кого высадить. Наконец один из полицейских подошел к ней. Сначала он проверил ее удостоверение личности, а потом начал задавать вопросы:

– Цель поездки?

Ли Сюэлянь понимала, что такие причины, как командировка, деловой визит или поиск ребенка, ей решительно не подходят. Тем более она не могла озвучить свою настоящую цель, связанную с судебной тяжбой. Поэтому она решила повторить фразу одного из уже опрошенных:

– Еду на лечение, – сказала она, прислонившись к окну со страдальческим видом.

– Что именно будете лечить?

– У меня опущение матки.

Полицейский чуть скривился, но продолжил:

– В какую больницу собираетесь?

Ли Сюэлянь чуть замешкалась с ответом. Ведь она ни разу не бывала в Пекине, тем более никогда не ездила туда на лечение, поэтому она не знала ничего ни о пекинских больницах, ни об их специализации. Поэтому она ответила первое, что пришло ей в голову:

– В Пекинскую больницу.

Ли Сюэлянь дала такой интуитивный ответ, исходя просто из названия. Полицейский подозрительно взглянул на нее и продолжил задавать уже другие вопросы. Ли Сюэлянь с облегчением вздохнула, когда поняла, что больница под таким названием действительно существует.

¹¹ Высший орган законодательной власти в КНР.

– Где история болезни?

– Какая еще история болезни? – оторопела Ли Сюэлянь.

Полицейский, похоже, терял терпение:

– Вы же направляетесь в больницу на лечение, где история болезни?

Тут Ли Сюэлянь осенило:

– Это уже моя третья поездка в Пекинскую больницу, поэтому история осталась там.

Еще какое-то время полицейский смотрел на Ли Сюэлянь. не желая более копаться в ее болячках, он задал ей следующий вопрос:

– Есть какое-то свидетельство?

– Какое еще свидетельство?

Полицейский снова стал проявлять нетерпение:

– Будто непонятно? Сейчас в столице проходит ВСНП. Всякий, кто едет в Пекин, должен иметь при себе сопроводительное письмо от органов власти. а иначе как доказать, что вы едете в Пекин на лечение?

Ли Сюэлянь не нашлась с ответом. Ведь она и правда не знала о сроках проведения ВСНП, и о том, что в случае поездки в Пекин требуется оформить сопроводительное письмо, которое, к тому же, должно быть предоставлено местными властями. Впрочем, если бы даже она и знала обо всем этом, то никто бы ей такого письма не дал. Поэтому она сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.